

**Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Поволжская академия образования и искусств имени Святителя Алексия,
митрополита Московского»**

Кафедра филологии

Направление подготовки 45.03.01 Филология
Направленность (профиль) «Отечественная филология»

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему:

Лингвостилистические особенности современной православной проповеди

Выполнила студентка
4 курса группы ОФ-401
очной формы обучения
Чуева Валерия Николаевна

(подпись)

Научный руководитель
Венгранович Марина Александровна, д. филол. н., профессор
кафедры филологии

(подпись)

Допустить к защите:

Заведующий кафедрой _____ Л.Ю. Фадеева, к.ф.н., доцент

(подпись)

« ____ » _____ 2022 г.

Тольятти

2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ СТИЛЬ КАК ОСОБАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА	12
1.1 Экстралингвистические факторы и базовые стилевые черты церковно- религиозного стиля	12
1.2 Лингвостилистические особенности и жанровые разновидности церковно-религиозного стиля.....	16
1.3 Проповедь как жанр церковно-религиозного стиля.....	23
Выводы к 1 главе.....	33
ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОГО СТРОЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ	35
2.1. Признаки лингвостилистического смешения в тексте проповеди	35
2.2 Синтаксические особенности современной православной проповеди ..	54
2.3. Средства диалогизации в текстах проповеди	59
Выводы ко 2 главе.....	63
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	65
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	67
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	73

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена лингвостилевым особенностям проповеди как одной из основных жанровых форм церковно-религиозного функционального стиля современного русского языка.

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной изученностью церковно-религиозного стиля, а также значимостью изучения современных проповеднических текстов в контексте взаимосвязи и стилистической «дополняемости» функциональных стилей русского языка посредством взаимопроникновения стилевых компонентов различных функциональных стилей в тексты церковно-религиозного дискурса.

Религиозная деятельность уже на ранних этапах существования человечества представляла собой активную форму познания окружающей действительности. В истории всех цивилизаций существовали представления о Божественной сущности. Появившееся в I в. н.э. христианство, перенявшее у позднеантичной и восточной религиозной традиций проповедь как средство выражения духовных истин, преобразовало данную форму в церковный жанр. Христианская проповедь есть продолжение учительного дела Иисуса Христа, завещанного Им Своим ученикам – апостолам: «Шедше в мир весь, *проповедите* Евангелие всей твари» (Мк. 16:15). Закрепившаяся как ведущий речевой жанр христианского богослужения, проповедь получала специфические черты в трудах многих восточных и западноевропейских Отцов Церкви: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Дамаскина, Григория Паламы, Павла Диакона, Алана Лилльского и др. На Руси данный жанр был представлен в поучительных текстах митрополита Иллариона, Луки Жидяты, Феодосия Печорского и др. Дидактическая направленность древнерусских образцов православной проповеди отражает традиционность и глубокую религиозность общественного сознания того периода.

Пристальное изучение данного жанра обусловило создание богословской дисциплины – гомилетики как учения о церковном проповедничестве.

Специфика проповеди, заключающаяся в преобразовании человеческой души через Слово Божье, выявила необходимость предъявлять особые требования к оратору, создателю и воспроизводителю проповеднического текста.

Советский период истории России, характеризующийся антирелигиозной государственной политикой, определил почти вековую отстранённость церковной деятельности от общественной жизни. Церковно-религиозный стиль был ограничен рамками своего функционирования и закрыт для изучения. Возможность исследования данного стиля открылась относительно недавно – в конце XX века.

Объектом данного исследования выступает языковая основа текстов современной православной проповеди.

Предметом данного исследования являются лингвостилевые особенности анализируемых текстов современной православной проповеди (признаки стилевого смешения, синтаксические особенности современных проповеднических текстов, языковые средства диалогизации).

Цель исследования – выявить и проанализировать лингвостилевые особенности текстов современной православной проповеди, которые отражают специфические стилевые черты церковно-религиозного стиля и одновременно формируют его жанровую природу.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие **задачи**:

- 1) изучить и проанализировать научную литературу о церковно-религиозном стиле, его специфике, стилевой и жанровой системе, о жанре проповеди, его историческом и жанровом развитии;
- 2) отобрать тексты современной православной проповеди патриарха Московского и всея Руси Кирилла, а также протоиерея Андрея Ткачёва и протоиерея Димитрия Смирнова, отражающие лингвостилевое своеобразие данного жанра;

- 3) проанализировать синтаксические особенности церковно-религиозного стиля и признаки иностилевого влияния, реализующиеся в текстах отобранных нами проповедей;
- 4) выявить и проанализировать средства диалогизации в текстах отобранных проповедей;
- 5) обобщить полученные результаты исследования.

Степень научной разработанности темы.

Вопросами церковно-религиозного стиля в отечественной лингвистике занимались такие исследователи, как М.Н. Кожина, Л.П. Крысин, Н.Б. Мечковская, О.А. Крылова, Н.Н. Розанова. В трудах М.Н. Кожиной и О.А. Крыловой употребляется наименование данного стиля как церковно-религиозного, наиболее точно выражающего внутреннюю форму рассматриваемой нами стилевой системы. Термин «религиозно-проповеднический стиль», использующийся преимущественно в трудах Л.П. Крысина [Крысин 1996], на наш взгляд, сужает сферу функционирования данного стиля до объёма речевого жанра.

Вопрос о выделении церковно-религиозного стиля актуализируется в трудах М.Н. Кожиной, Л.П. Крысина и О.А. Крыловой, понимавших особое место данной разновидности русского языка в его стилевой системе. О.А. Крылова выдвинула гипотезу о том, что современный религиозный стиль представляет собой сочетание двух форм – церковнославянской и церковно-религиозной, различия меж которыми обусловлены как в языковом аспекте, так и в целеустановке: церковнославянская разновидность не предполагает доказательности существования Бога и убеждения в абсолютной истинности христианского учения, выражается в самом характере богослужения и жанре молитвы; церковно-религиозный вид речевой деятельности, напротив, направлен на убеждение (проповедь) [Крылова 2000: 107-117].

М.Н. Кожина, полагая, что основания для выделения церковно-религиозного стиля ограничены социально-политической проблематикой

прошедшего исторического периода и двуязычием религиозной сферы, отмечает, что в настоящее время церковно-религиозный стиль расширяет сферу применения [Кожина 2003: 152].

Тем не менее, основные стилевые компоненты данного дискурса требуют внимательного рассмотрения. Большое количество исследований отечественных русистов было посвящено изучению отдельных жанров данного стиля (В.А. Бурцев, Н.Н. Розанова, Д.А. Звездин и др. исследовали жанр проповеди, И.Ю. Абрамова, В.К. Васильев, О.В. Гладкова – жанр жития и др.). Вопрос о жанровой классификации церковно-религиозного стиля однозначно не решён. В нашем исследовании мы опираемся на классификацию подстилей и жанров, представленную в работе И.В. Шерстяных [Шерстяных 2013].

Пройдя долгий исторический путь развития, проповедь сохранила главенствующее (среди церковно-религиозных жанров) положение и воздействующий потенциал до наших дней. На сегодняшний день современная православная проповедь обнаруживает в своей структуре иностилевые языковые элементы, наличие которых указывает на способность данной жанровой формы к стилевому смещению. Это явление объясняется, в первую очередь, поиском средств для установления коммуникации с современным типом адресата, а также взаимосвязью с другими функциональными стилями русского языка.

Цель и задачи бакалаврской работы определили **методы исследования**. В работе использовались методы изучения и анализа научной и учебной литературы, методы анализа, описания и сравнения языкового материала, методы лингвистического анализа (в частности, методы лингвостилистического, лексико-семантического, функционального и синтаксического анализа).

Материалом для исследования послужили тексты проповедей современных представителей Русской Православной Церкви: Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, протоиерея Андрея Ткачёва, протоиерея Димит-

рия Смирнова. Нами было рассмотрено 28 текстов проповедей за период с 2016г. по 2022 г.

Научная новизна исследования заключается в анализе явления стилового смешения как тенденции в развитии стиловой системы современного русского языка, а также в рассмотрении синтаксических особенностей жанра проповеди и присущих ей диалогических средств.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что данная работа вносит определённый вклад в изучение церковно-религиозного дискурса и языковых особенностей жанра православной проповеди.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные данные могут использоваться при подготовке вузовского курса «Стилистика русского языка», а также для дальнейших исследований рассматриваемого нами аспекта современного русского языка.

На защиту выносятся следующие положения:

1.Церковно-религиозный стиль – один из функциональных стилей современного русского языка, обладающий собственной экстралингвистической базой, стилистико-речевой системностью, совокупностью специфических стиливых черт и жанровой системой, а также определённым языковым фондом, который характеризуется полиязычностью, выражающейся в использовании языковых элементов церковнославянского и современного русского языков.

2.Характерная черта церковно-религиозного стиля как открытой для изучения области в последние десятилетия – явления стилового смешения, выражающегося в проникновении иностилевых языковых элементов в речевые продукты церковно-религиозного стиля. Однако элементы других стилей, проникающие в религиозную речь, не понижают официальный и возвышенный статус текстов данного стиля, не лишают их сакрального характера, но помогают в достижении специфической коммуникативной цели – установлению контакта человека с Богом.

3. Современная православная проповедь – ведущий речевой жанр церковно-религиозного дискурса, лексические и синтаксические черты которого способствуют реализации функции эмоционального воздействия на аудиторию. Экспрессия, выражаемая синтаксическими средствами, способствует воплощению функций оценки сообщаемого, несомненности высказываемого, а также оказывает побудительное эмоциональное воздействие на адресата.

4. Диалогическая направленность проповеднических текстов, монологических по форме, реализуется в различных формах адресованности, использование которых направлено на побуждение аудитории к формированию соответствующих религиозным представлениям внутренних установок, определяющих жизнедеятельность адресата, тем самым воплощая дидактическую, учительную направленность церковно-религиозной сферы общения

Структура бакалаврской работы подчинена логике исследования и состоит из введения, двух глав, библиографического списка и приложения.

Во введении обосновывается выбор темы и её актуальность, научная новизна, определяются объект, предмет, цели, задачи, методы, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе – «Церковно-религиозный стиль как особая функциональная разновидность современного русского языка» – представлены основные экстралингвистические факторы и базовые стилевые черты данного стиля, его лингвостилистические особенности и жанровые разновидности, а также раскрывается специфика проповеди как ведущего жанра церковно-религиозного стиля.

Во второй главе – «Специфика лингвостилистического строя современной православной проповеди» – подробно анализируется проявление черт стилевого смешения, а также синтаксических особенностей и средств диалогизации в анализируемом жанре на примере текстов проповедей современных представителей Русской Православной Церкви.

В заключении отражены выводы, которые были сформулированы в результате проведённого исследования.

Апробация работы. Результаты исследования были представлены в виде докладов на II Рождественских образовательных чтениях Тольяттинской епархии «Александр Невский: запад и восток, историческая память народа» (9.11.2020 г.) и на V Региональной молодёжной научно-практической конференции «ПОВОЛЖСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУКИ» (Тольятти, 24.03.2022 г.), а также в виде публикации тезисов на тему «ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНОГО СТИЛЯ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ)» в сборнике материалов докладов V Региональной молодёжной научно-практической конференции «ПОВОЛЖСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУКИ» (Тольятти, Поволжская академия Святителя Алексия, 24-25 марта 2022 года).

ГЛАВА 1. ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ СТИЛЬ КАК ОСОБАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

1.1 Экстралингвистические факторы и базовые стилевые черты церковно-религиозного стиля

Церковно-религиозный стиль – это функциональная разновидность современного русского литературного языка, обслуживающая сферу церковно-религиозной общественной деятельности и соотносящаяся с религиозной формой общественного сознания [Крылова 2006: 612].

Являясь на протяжении многих веков одной из ведущих сфер общественной деятельности, православная конфессия подверглась гонениям и контролю в период существования Советского Союза. Официальной политикой государства в отношении религии было установлен атеизм, активно пропагандировавшийся государственными и партийными лидерами. Религиозное сообщество не имело широкого воздействия на людей, а, следовательно, и сам функциональный стиль был мало употребителен в тот исторический период.

Лишь в конце 80-ых гг. XX-ого века отношение к религии (в частности, к православию) изменилось на законодательном уровне: исчезли условия для государственной поддержки атеизма, появилась возможность свободно изучать религию в общеобразовательных учебных заведениях. Также был отменён установленный ранее декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, что позволило православной конфессии вновь получить влияние и независимость.

Как отмечает М.Н. Кожина, данная область функционирования русского языка в советское время была недоступна для исследования и изучения, вследствие чего распространилось мнение об ограниченности ресурсов дан-

ного дискурса, представленного только церковнославянским языком [Кожина 2008: 412].

В настоящее время церковно-религиозный стиль – закрытая ранее область – активно взаимодействует с другими функциональными стилями русского языка. Экстралингвистические факторы, влияющие на условия развития и существования основных пластов речи, оказывают своё влияние и на рассматриваемый нами стиль.

Уникальность данного стиля состоит в том, что коммуникативная функция церковно-религиозной разновидности реализуется двумя языками: церковнославянским языком – языком богослужения, молитв и песнопений – и современным русским языком (проявление в данном стиле которого не ограничивается литературной нормой). На русском языке проводятся выступления священнослужителей на радио и телевидении, открытия мероприятий и культурных объектов. На русском языке проповедник доносит смыслы Священных текстов до прихожан.

Особенностью данного стиля является его интертекстуальность, проявляющаяся во многовековой связи элементов религиозной речевой деятельности с книгами Ветхого и Нового Завета, посланиями и трудами Отцов Церкви. Опора на источник религиозных истин является основополагающим компонентом существования данного дискурса.

Специфическими стилевыми чертами церковно-религиозного стиля являются следующие.

1. Архаически возвышенная тональность речи, соответствующая высокой цели религиозной деятельности и служащая проявлением складывавшейся веками традиции общения с Богом – особая функциональная окраска, передающая возвышенность религиозных чувств, мыслей, ценностных установок и убеждений участников коммуникативного акта.

2. Символизация фактов и событий невидимого мира, а также возможных вариантов нравственно-религиозного выбора человека. Это – одна из

структурных особенностей церковно-религиозной деятельности, состоящая в знаково-символическом выражении Божественных истин для ознакомления с ними людей. Символичность, выразительность речи способствует лучшему восприятию (и пониманию) смыслов отдельных эпизодов Священных текстов. Использование такого метода воздействия (а, вместе с тем, и определённых групп языковых средств) связано с важнейшей особенностью веры как специфического вида познавательно-коммуникативной деятельности – усвоением религиозной истины, опирающимся, в первую очередь, на эмпирическое, интуитивно-эмоциональное её постижение. Используемые средства семантически сближают душу человека с искомым в изображаемых эпизодах существом – Богом.

3. Ориентированная на религиозные ценности оценочность речи. В этой примете рассматриваемого нами стиля раскрывается одна из главных задач религиозной деятельности – преобразовать земной (грешный) жизненный порядок по образцу небесного (совершенного, идеального). В душе каждого человека, по учению Церкви, сокрыты добродетели – отражения Божественных совершенств, которые тому необходимо развить, очистив свою душу от греха. Из этой задачи и вытекает отрицательная окраска, негативная оценка человеком самого себя, присущая одним проявлениям церковно-религиозного стиля – молитвенной и исповедальной речам, и позитивная оценочность речи, характерная для текстов, прославляющих Бога и святых. Оттенки эмоционально окрашенной речи различны.

4. Модальность несомненности, достоверности сообщаемого. Вера – это убеждённость человека в существовании Высшего Начала, каковым является Бог, в истинность Его откровений. Церковно-религиозные тексты, выступающие фундаментом религиозной деятельности, воплощают Божественное учение, являются богодухновенными (канонические книги Ветхого и Нового Заветов) и поэтому воспринимаются верующими людьми как абсолютная истина. Характерным маркером этой убеждённости выступает частица

«аминь», переводящаяся с древнегреческого языка как «верно», «да будет так». [Кожина 2008: 415-416].

И.Б. Голуб, описывая экстралингвистические черты церковно-религиозного дискурса, выделяет:

1. Совокупность видов коммуникации: коллективный, личный и массовый;
2. Диалогичность текста при монологической форме церковно-религиозной речи [Голуб 2018: 91].

Указанные исследователем черты определяют связь рассматриваемого нами дискурса в функциональном и языковом отношениях с публицистическим стилем. Также их объединяет функциональная схожесть, обуславливаемая сочетанием функции передачи информации с функцией воздействия, и эмоционально-экспрессивная окрашенность используемых языковых средств. Однако данные черты в обоих стилях имеют качественные различия: информационная функция в церковно-религиозном стиле направлена на религиозное просвещение аудитории, воздействующая – на воспитание аудитории в соответствии с нормами и правилами христианского учения.

Церковно-религиозный стиль выполняет ряд функций:

1. Информационная (передача фактов, изложенных в Священных текстах, описание событий, связанных с церковной жизнью);
2. Аксиологическая или ценностная (тексты, используемые в данном стиле, основаны на религиозных ценностях);
3. Агитационная (привлечение к вере, поддержание и укрепление веры в христианское учение в сознании людей);
4. Воспитательная (религиозные тексты содержат элементы дидактического характера: наставления, поучения и т.д.);
5. Эмоционально-воздействующая (сравнивая и сопоставляя деяния Отцов Церкви и святых людей с общественной жизнью, авторы религиозных

текстов доказывают верность православного мировосприятия) [Розанова 2000: 212].

Все перечисленные экстралингвистические особенности и базовые стилиевые черты выражаются в соответствующих этому стилю текстах основными языковыми средствами, о которых будет написано в следующем параграфе.

Итак, можно сделать вывод о том, что церковно-религиозный стиль реализуется в сфере церковно-религиозной общественной деятельности и соотносится с религиозной формой общественного сознания. Церковно-религиозный стиль – область, открытая для изучения. Наличие данного дискурса в системе функциональных стилей современного русского языка обуславливает тесную связь церковно-религиозной речи с другими стилями, выражающуюся во взаимопроникновении языковых элементов того или иного стиля в церковно-религиозный.

1.2 Лингвостилистические особенности и жанровые разновидности церковно-религиозного стиля

Церковно-религиозный стиль разделяется на подстили, каждый из которых характеризуется своей особой коммуникативной целью. И.В. Шерстяных выделяет три группы (подстили): проповедническую, жанры церковных посланий и агиографическую [Шерстяных 2013: 21].

Проповеднический подстиль является ведущим, поскольку включает в себе все черты церковно-религиозного стиля, как экстралингвистические, так и собственно языковые. Он используется в речи священника, наставляющего человека на исполнение христианских добродетелей и избежание грехов и пороков, на стремление к праведности.

Адресат церковно-религиозного стиля получает информацию непосредственно, находясь в одном пространстве с другими адресатами и слушая

священника (проповедь). Публицистический стиль, в основном, передаёт информацию опосредованно, через бумажные и электронные носители.

Различается и характер окрашенности лексических единиц. Рассматриваемый нами стиль преимущественно использует возвышенную и нейтральную лексику, в специальных случаях употребляя языковые средства с положительной или отрицательной окраской. Коннотация лексем публицистического стиля не ограничивается нейтральным или деловым характером; часто используется слов с негативной окрашенностью.

Проповеднический подстиль реализуется в различных видах религиозно-просветительских текстов и в своей реализации опирается на средневековый канон.

Ключевым жанром проповеднического подстиля является **проповедь** (особенности данного жанра мы рассмотрим ниже, в отдельном параграфе).

Следующий жанр – **поучение** – И.В. Шерстяных характеризует как императивный речевой жанр; вид церковной проповеди, автор которого сообщает адресату истину, обладающую прескриптивным характером и придающую высказыванию более значимый характер (или характер абсолютной истины) [Шерстяных 2013: 21].

К жанрам проповеднического подстиля также относится и **духовная беседа** – неструктурированная форма общения, являющаяся последовательным взаимообменом мыслями и чувствами представителем церкви и людьми. Этот жанр несёт в себе две функции: функцию доказательства – религиозное просвещение и утверждение незыблемости, непреложности законов Божественного бытия, и функцию установления особой эмоционально-нравственной среды, настраивающей собеседников на религиозное мироощущение, на соотнесение своей жизни с условиями этого религиозно-нравственного эмпирического комплекса [Шерстяных 2013: 25]. Обстановка беседы лишена сакральности; она более непосредственна и спонтанна.

Следующим подстилем церковно-религиозного стиля является **подстиль церковных посланий**. Он представляет собой открытое письменное обращение иерарха Церкви к своей пастве, содержащее элементы наставления и поучения. Современные церковные послания разделяются на три вида:

1. Информационные (создающиеся для информирования прихожан о важнейших событиях в жизни Церкви и государства);

2. Дидактические (разъяснение фундаментальных понятий и аспектов Церкви и Христианства);

3. Эпидейктические (посвящённые праздникам Церкви);

Послание, как и проповедь, является комплексным жанром. Состав и лексический набор в них схож [Шерстяных 2013: 26].

Последним из выделенных вышеупомянутым автором подстилей выступает **агиографический**. Он характеризуется изображением подвига веры лицом или группой лиц, почитаемых Церковью. Ему присущ абстрактный и идеализированный способ изображения. Вместо конкретных людей в произведении может выступать собирательный, символический образ.

Данный подстиль представлен жанром **жития** – жизнеописания представителей христианства, мучеников, аскетов, святых. Повествование о таком человеке является сюжетным, обладает строгими структурными ограничениями, отличающими их от светских биографий. Цель жития – наглядно показать прихожанам, что исполнение всех заповедей и Божественных законов возможно, неоднократно совершаемо различными людьми, а, следовательно, обязательно для христиан.

Как было написано выше, специфика экстралингвистической основы данного дискурса (вера и религия) воздействует на основные черты церковно-религиозного стиля. Также она оказывает влияние на отбор языковых средств, выражающих данный стиль.

Лингвостилистические особенности данного дискурса опираются на нормы церковнославянского и современного русского языка. Избирая из пер-

вого лексические, фонетические, словообразовательные и морфемные черты, церковно-религиозный стиль воссоздаёт традиционный православный образ речи.

Основной группой лексических языковых средств религиозных текстов выступают заимствования из церковнославянского языка – церковнославянизмы. Заимствование этих лексических единиц сохраняется даже на фонетическом уровне: при произношении данных лексем священнослужители опираются на старославянские нормы. С особой частотностью используются слова, носящие сакральное значение, называющие Бога и Божественных созданий: *благо, смиренный, уповать, забвение* и т.д; библеизмы: *Отец Небесный, слово Божие, род человеческий* и т.д. Церковнославянизмы, используемые в речи священника, являются коммуникативными фрагментами, словосочетаниями, готовыми к употреблению: *очистит от грехов, нашего ради спасения* и т.д.

Архаически возвышенная тональность церковной речи выражается также языковыми единицами общеславянского происхождения: *хула, обет, кроткий* и т.д.

Данные лексические единицы несут в себе многовековой опыт религиозного общения, те же чувства любви к Богу и ближним, которые, произнося молитвы и соотнося свою жизнь с проповедью священника, испытывает верующий человек. Он перенимает этот опыт, связывает его со своим и осознает свою неотделимость от христианского мира, от соборности этой общины. В поддержании в человеке этого ощущения связанности, нераздельности и проявляется особая функция стилистической окраски церковнославянизмов.

Значимость данных языковых средств для церковно-религиозного стиля огромна: они соединяют христиан сквозь время, сохраняют традицию православных церковных служений. Но церковнославянизмы – не единственные средства выражения догм и истин христианской религии в рассматриваемом нами стиле.

Церковно-религиозная речь является символической, поэтому она изобилует различными тропами и фигурами речи. Наиболее частотными являются метафоры, аллегории и сравнения. Как уже говорилось выше, символизация является важнейшим структурным элементом данного стиля. Метафоры, сравнения и аллегории, используемые в речи священника, носят сакральный характер, связаны с тем духовным миром, который пытается через них постичь человек. Функция их заключается в успешной реализации главной коммуникативной задачи всего стиля – эмоционально воздействовать на сознание адресата.

В функции реализации модальности несомненности, достоверности речи в церковно-религиозных текстах активно используются вводные слова с семантикой несомненности, высокой степени уверенности: *действительно, разумеется, конечно*; фактивные глаголы: *знать, помнить, веровать, верить* и т.д.; существительные: *истина, правда* и производные от них: *истинный, истинно, правдиво*; частица «аминь» со значением «истинно, верно».

Влияние церковнославянского языка на фонетическом уровне проявляется отмечается в использовании качественных и количественных характеристик гласных полного образования в безударных позициях: *Г [o]сподь, б[o]г[o]угодн[o], [o] ни[спо]слании*; в произносимом ударном [э] после мягких согласных, шипящих и [ц] перед твёрдыми согласными: *освя[ш:'э]нной; при[н'эс]; ко[n'ијэм]*. Отдельный случай представляет звонкость парных согласных в позиции конца слова: *запове[д']*.

Морфемный уровень церковнославянского языка в современных религиозных текстах представлен приставками и суффиксами: *пресвятой, пречистый, премилостивый; изведать, искупить, создатель, сеятель, служение, смирение* и т.д.

Частотно употребление таких способов словообразования, как словосложение (*благодетель, долготерпение, милосердие, человеколюбие, богобо-*

язненный, чудотворный) и субстантивация (*напитать алчущего, подать ближнему, одеть нагого*).

Среди единиц морфологического уровня следует выделить имена существительные в форме звательного падежа с окраской церковной речи: *владыко, отче, Богородице, дево*; имена прилагательные и причастия в форме родительного падежа единственного числа мужского рода: *святаго, честнаго, Животворящаго*.

Перечисленные выше языковые средства (и группы средств) являются основой церковно-религиозного стиля, соответствуют его коммуникативной цели и реализуют её в церковно-религиозных текстах.

Важно отметить, что все религиозные тексты обнаруживают проявление целого комплекса экстралингвистических черт церковно-религиозного стиля, обусловленных отбором и использованием средств языка в соответствии со спецификой религиозной речи. В сочетании указанных черт и проявляется стилистико-речевая системность церковно-религиозного стиля [Крысин 1996: 124].

Но церковно-религиозный стиль не является однородной массой текстов и речей, ограниченных общими стилевыми характеристиками. Частные признаки, присущие тому или иному жанру стиля, дополняют и выделяют один текст на фоне других. Такие признаки, в основном, относятся к лексическому, грамматическому и синтаксическому уровням языка.

Таким образом, основные лексические средства церковно-религиозного стиля не только украшают речь при помощи своей образности или архаической формы, но и обнаруживают крепкую связь с традицией. Все рассматриваемые языковые средства направлены на реализацию основной задачи религиозной речи.

Однако современные общественные отношения обуславливают связь церковно-религиозного стиля с другими. Эта связь характеризуется не только схожестью целей и задач (как с публицистическим стилем), но и заимствова-

нием лексического материала из других стилей в церковно-религиозный. Заимствования из других стилей не свидетельствуют об отсутствии у церковно-религиозного дискурса стилевого единства. Затрагивая этот вопрос, нам следует понимать, что церковно-религиозный стиль, в первую очередь (с точки зрения лингвистики), является функциональным стилем. Вся деятельность данного стиля подчинена общей коммуникативной целеустановке – упрочнению веры в Бога в душах людей (можно так же добавить: поддержанию эмоциональной связи Церкви с людьми). И для достижения этой цели могут привлекаться иностилевые средства, отбирающиеся в соответствии с коммуникативной ситуацией. Средства, взятые из других стилей, соотносятся с аудиторией, к которой направлена религиозная речь, являются актуальными и понятными для адресатов.

Церковно-религиозный стиль как функциональный стиль современного русского языка является незамкнутым типом его функционирования, поэтому использование иностилевых средств в нём оправдано. Включаясь в состав религиозных текстов, такие лексические единицы приобретают свойственную церковно-религиозному стилю коммуникативную задачу, а, следовательно, функционально преобразуются в нём и становятся элементами новой речевой организации.

Итак, мы можем отметить, что церковно-религиозный стиль является особым способом функционирования современного русского языка, характеризующимся стилистико-речевой системностью, комплексом специфических черт и собственным языковым фондом, с помощью которых этот стиль реализует религиозную деятельность. Элементы других стилей языка, проникающие в религиозную речь, не понижают официальный и возвышенный статус текстов данного стиля, не лишают их сакрального характера, но помогают достичь коммуникативную цель религиозной деятельности.

1.3 Проповедь как жанр церковно-религиозного стиля

Ведущим жанром церковно-религиозного стиля является проповедь. Она воплощает в себе специфику всего стиля и является комплексным жанром, в своей структуре сочетающим элементы других разновидностей церковно-религиозного стиля.

Проповедь – это устный речевой жанр, ориентированный на нормы книжной речи; речь религиозно-назидательного содержания. Жанр проповеди представляет собой ряд более мелких жанров, находящихся в определённом логическом отношении и связанных общей композицией в рамках публичного выступления, каковым в широком смысле является проповедь. Такими жанрами-компонентами могут выступать: приветственное слово, поздравление, рассказ-напоминание о прошлых проповедях, пересказ Священных текстов, объяснение, назидание, доказательство, наставление, призыв. Молитва в составе проповеди также может считаться неотъемлемым жанром церковно-религиозного стиля.

Основной задачей данного жанра является эмоциональное воздействие на адресата, что выражается в просодическом оформлении текста проповеди (риторические паузы, акцентные выделения слов и т.д.).

А.С. Елеонская выделяет основные формы проповеди: **гомилия** (изъяснительная беседа), задачей которой является интерпретировать и объяснить Священные тексты; **слово** – текст, раскрывающий ту или иную тему религиозно-нравственного содержания; **речь** – проповедь, восходящая к похвальным речам и речам на освящение храмов; **катехизическое поучение**, основной целью которого является объяснение и утверждение христианских догматов, смысла священных текстов [Елеонская 1990: 209].

Также существуют два основных типа классификации элементов данного жанра: по характеру и роли в литургическом действии (проповедь, приуроченная к церковным праздникам, связанная с темами Евангелия, читаемо-

го во время литургии); по содержанию – богословская проповедь, нравственно-практическая и другие.

Формирование проповеди относится к IV в.н.э. В Византии – наследнице Римской Империи, благодаря деятельности императора Константина принявшей христианство, – первыми проповедниками были Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский и Иоанн Златоуст, труды которых легли в основу формирования средневековой и современной проповеди, а также способствовали широкому распространению и укреплению позиций данного жанра.

Позднее (в VII - XIII вв.) проповедь развивали Иоанн Дамаскин, Андрей Критский, Феодор Студит, патриарх Константинопольский Фотий и Григорий Палама.

В средние века представителями западноевропейского религиозного служения создавались теоретические труды, в которых раскрывались особенности проповеднической деятельности (Блаженный Августин «О христианском учении», 396 г.). Эти работы способствовали созданию особого учения о ведении христианской проповеди – гомилетики. Языком средневековой проповеди (письменных работ) была латынь. Интерес также вызывают и работы Павла Диакона, датируемые IX в. (им был написан гомилиарий – цикл проповедей, тема которых соответствовала каждому дню года) и более поздние труды, такие как руководства по написанию проповедей (подразумеваются так называемые «*artes predicandi*» Алана Лилльского и др.).

Распространение ересей в период позднего Средневековья способствовало укреплению влияния данного жанра, увеличению его роли как официального источника христианских истин.

Следующая за этим историческим периодом Реформация оказала влияние на мировую историю церкви (имеется в виду разделение христианства на группы) и определила дальнейший характер развития жанра проповеди как соответствующего аудитории и соотносящегося с её потребностями текста.

Одним из последствий вышеописанного изменения считается появление во Франции XVII в. литературной проповеди, носящей в себе черты барочной стилистики (Ж. Боссюэ и др.).

Первыми проповедями Древней Руси считались переведённые произведения, входящие в состав сборников известных византийских авторов: «Златоструй» Иоанна Златоуста, «Паренесис» Ефрема Сирина, «Оглашения» Кирилла Иерусалимского, «Лествица» Иоанна Лествичника. Основными формами проповедей этого исторического периода были торжественные слова и беседы, последние из которых были лишены средств языковой выразительности. Примерами самых ранних произведений являются: «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона (между 1037 и 1050 гг.), слова Кирилла Туровского (1150 - 1180-ые гг.), «Поучение к братии» Луки Жидяты (XI в.).

История русской литературы хранит в себе и следы учительного красноречия – проповедь игумена Киево-Печерского монастыря Феодосия Печерского, дидактизм которой раскрывается в разъяснении основных правил религиозной жизни.

Позднее появляются памятники публицистической, светской проповеди: «Поучение» князя Владимира Мономаха (1117 г.), «Соборник» митрополита Даниила, включающий в себя шестнадцать поучений, посвящённых обличению ереси и пороков, и трактат Ермолая-Еразма об управлении государством «Благохотящим царем правительница и землемерие» (XVI в.).

Яркими примерами проповедей, как и древнерусских произведений в целом, являются труды протопопа Аввакума. Они интересны как темой и острой проблематикой, так и особой формой эмоциональных бесед проповедника, говорящего со своими учениками.

Следующий исторический период, отмеченный уменьшением церковного влияния на общественную жизнь вследствие потери единства церкви (Раскол), содержит образцы светской литературы. Такой литературной обра-

ботке подверглось «Поучение, говоренное в Духов день иереем Василием», написанное Д. И. Фонвизиним (1783 г.).

В XIX-XX вв. попытки видоизменить, стилизовать проповедь имели пародийный характер. Это явление не получило широкого распространения.

Итак, мы видим, что данный жанр имел долгую историю формирования и развития и существовал в различных формах. Данный жанр как проявление религиозного учения высоко ценился в разные исторические периоды европейских и восточных народов. На протяжении многих веков формировалось представление о проповеди как о предмете научного знания и церковного учения.

Являясь примером «приложения богословия к словесности» [В.П. Зубов: 1929], проповедь подробно изучалась гомилетической наукой.

В богословской традиции проповедь является предметом изучения двух гомилетических дисциплин – теории проповедничества, исследующей онтологические, этические и методологические положения проповеди, и истории проповедничества, анализирующей образцы проповедей в исторической последовательности их возникновения и изучающей личность автора текста.

Задачи и функции проповеди обуславливают её связь с другими разделами религиозного знания. Её воспитательной и воздействующей задаче соответствуют Священные тексты, употребление которых в данном жанре часто. При изучении проповеди большое внимание уделяется текстам Священного Писания и Священного Предания, поскольку именно в них заложено учение как о самой церковной проповеди, так и о личностных качествах проповедника и его обязанностях как создателя религиозного текста.

Суть церковной проповеди, определяемая фрагментами из Священных текстов («Я передал им слово Твое.. Освяти их истиною Твоею: слово Твое есть истина» (Ин. 17:14-17)) заключается в понимании Слова Божьего как абсолютной истины, сообщаемой человечеству посредством учительства

Церкви. Истина, содержащаяся в Божественном Слове, раскрывает догматы христианского учения о Боге Творце, о высшем мире, человеке, его грехопадении и искуплении, имеющие для человека, в первую очередь, сакральное значение – истина, открывающаяся человеку в Божественном Слове, которое понятно и подробно объясняет ему проповедник, открывает путь для спасения человеческой души, отказа от грехов и пороков. Без изъяснения этих фундаментальных понятий невозможна учительная деятельность Церкви, а, следовательно, невозможна и проповедническая деятельность. Отсутствие дидактической направленности исключает возможность доносить, объяснять и интерпретировать текст.

Вышенаписанное указывает нам на задачу данного жанра: предоставлять слушателям (возможно, и читателям) понимания главного смысла жизни, важнейшей жизненной цели, к которой стремится человек – спасения, означающего переход души в Царство Небесное, где её ждёт вечная жизнь.

Методология проповедничества основывается на трудах апостолов и Отцов Церкви. Первым и наиболее употребительным методом определяется «правило постепенности», ещё в древности разграничившее церковное учение на огласительное и тайноводственное. Опираясь на восприятие слушателей, их интеллектуальные особенности и уровень погружённости в веру, проповедники использовали как элементарные, простые формы и приёмы донесения информации, применявшиеся к людям, только начинающим познавать христианские истины, сомневающимся в верности религиозных догматов и положений, так и глубокие, подробные объяснения для аудитории, уже укрепившейся в вере. Определение уровня сложности раскрываемых истин и их соответствие духовному и умственному потенциалу слушателя является задачей проповедника.

Апостолы предоставили множество наглядных примеров применения способов проповедничества. Наиболее распространённым выделяют способ начала изложения нового материала с уже известных аудитории истин (ап.

Павел, проповедуя в ареопаге, обратился к слушателям так: «Афиняне! По всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашёл и жертвенник, на котором написано: «неведомому Богу». Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам» (Деян. 17:22-23)).

Исследователи данной области знания (гомилетики) отмечают, что понятие «предмет проповеди» широко по своему объёму, поскольку, раскрывая смыслы общих и фундаментальных понятий, проповедник не сможет уместить весь накопленный опыт изучения данного вопроса в один текст. Поэтому темой проповеди называется та частная (относящаяся к предмету) мысль, исчерпываемая проповедью, из которой можно вывести содержание всего текста. «Тема есть категорическое суждение, в целой проповеди органически развивающееся по логическим законам деления и подразделения. Иначе говоря, тема есть одна главная мысль сочинения» [Цит. по: Барсов 1888/9: 45]. Главной мысли должны быть подчинены все логически различные элементы проповеди. Требование к лексическому выражению данной формы требует краткости и ясности.

Появление форм церковной проповеди связано с историческими периодами формирования и развития христианской конфессии.

Первой формой по времени создания является **беседа**, именуемая также **гомилией** (что отмечалось ранее). Это слово «определяет в большей степени внутреннюю, чем внешнюю, сторону предмета» [Барсов 1895: 79].

Проповеди I-II вв., создатели которых опирались на апостольский пример проповедничества, являлись неструктурированными текстами с элементами разговорной живой речи. Часто они носили характер диалога. Сформулированный позднее чин христианского богослужения определил монологическую форму церковной проповеди. Вследствие образования канона книг Священного Писания возникла необходимость использования и анализа содержащихся в текстах религиозных истин в проповеднической деятельности.

Огромное значение в развитие данного типа беседы было внесено Оригеном, сформировавшим новый, экзегетический тип проповеди – **изъяснительную беседу**. Его труды оказали влияние на структуру гомилий: изъяснение строилось последовательно, соотносясь с текстами Священных книг, прочитанными пастве священником, а не исходя из логики размышлений пастыря. Оригеновский подход обуславливал рассмотрение анализируемых текстов с различных точек зрения: исторически, филологически и т.д. Завершалась изъяснительная гомолия указанием нравственного смысла, после чего объяснялся таинственный и аллегорический характер рассказанных слушателям фрагментов. Созданный им тип проповеди стал нормативным и сохранился в богословии.

Вслед за Оригеном развитием данного типа беседы занимался Иоанн Златоуст, определивший роль догматического и нравственного смысла проповеди как первоочередного в сравнении с научным. По его мнению, особое внимание должно уделяться нравственной жизни членов Церкви.

Западные проповедники, по-своему воспринявшие содержание данного жанра, дав ей наименование «постилла», означающее начало латинской фразы «*Post illa Sacrae Scripturae verba oratur*» - «После Священного Писания говорит Оратор» и указывающее на обусловленность проповеди библейским текстом. В Новое Время данный тип проповеди потерял свою актуальность.

Исследователи отмечают деление беседы на два основных элемента – основную часть и нравственное приложение [Толмачёв 1868: 35]. Первое звено состоит из анализа и последовательного объяснения раскрываемых в прочитанном на богослужении фрагменте Священных текстов положений. Нравственное приложение, непосредственно связанное с рассматриваемыми библейскими текстами, подытоживает приведённый проповедником аналитический разбор. Изъяснительная беседа, в отличие от стандартной, обладает многотемностью содержания, поэтому позволяет аудитору устанавливать многообразие предметов его выступления.

Темы, раскрываемые в **обычной беседе**, подчинены общей религиозно-нравственной идее текста, что в определённой мере освобождает проповедника от соблюдения правил её построения. «Его речь обусловлена только движением души, последовательностью возникающих мыслей» [Амфитеатров 1846: 97].

Наиболее эффективным для выполнения большинства функций проповеди является тип **катехизических бесед**, обладающий вопросно-ответной формой. Проповедник ставит вопрос и даёт на него ответ, указывая этим правильную трактовку того или иного элемента православного учения. Элемент нравственного приложения в данном типе является свободным, так как может следовать за ответом священника, или же составлять общий вывод.

Следующей формой проповеди является **поучение**, характерной особенностью которого является однотемность текста. Тема вытекает из разбора Священных текстов, празднуемого события, жития святого и т.д. Структура поучения обладает логической последовательностью и взаимосвязанным построением основных мыслей и идей священника. Применяемая распространённая гомилетическая схема (вступление - основная часть - нравственное приложение - заключение) является другой характерной особенностью данной формы проповеди.

Поучительное событие, изображающееся в проповеди, характеризуется наглядностью и образностью. Избираемые темы отличаются простотой и доступностью понимания. Данный тип проповеди ограничен в объёме материала и относительно краток. Лексические средства, использующиеся в поучении, направлены на успешное понимание и запоминание раскрываемого материала, поэтому относятся к разговорному стилю. Ориентация на духовное состояние и религиозно-нравственные запросы слушателей определяет универсальность данного типа, его актуальность в любые дни церковного года.

Слово – третья форма проповеди – считается образцовым, совершенным примером проповедничества [Амфитеатров 1846: 112]. Слово отличают

чёткая логическая структура, единство содержания, строгая тематизация и употребление высокого художественного стиля. Композиция данной формы включает в себя эпиграф, содержание которого непосредственно связано с содержанием всего текста, указывает на предмет конкретной проповеди. Частотное использование выдержек из Священного Писания или богослужебных текстов в качестве этого вводного элемента.

Четвёртой и последней формой проповеди является **речь**. Данный тип проповеди восходит к похвальным речам и речам на освящение храмов III в. [Барсов 1885: 214]. Строгое выдвижение темы текста и своеобразие его структуры – основные отличия речи. В классическом построении данного типа выделяют такие элементы, как: обращение, вступление, раскрытие предмета речи, изложения, благопожелания и заключение. Предметом такой проповеди может выступать явление или событие из церковной или общественной жизни (открытие церковного поместного Собора, интронизация патриарха, юбилеи, важные даты, начало или окончание учебного года в духовных школах, общественные настроения).

Объём речи варьируется в зависимости от предмета выступления, но и полные, и краткие примеры речей отличаются динамизмом, возвышенностью слога и патетичностью всего текста. В соответствии с предметом речи разделяются на приветственные, благодарственные и т.д. Задачами данного типа проповеди не определяется проявление дидактизма, поэтому речь лишена нравственного приложения. Основные требования предъявляются к внешнему виду речи; она должна обладать оригинальностью, краткостью и силой слога.

Проповедь как ведущее средство выражения учения Церкви определяет и образ создателя данного текста – проповедника. Отцами и учителями Церкви были выведены основные критерии (дары), содержание которых указывает на личностные и профессиональные качества человека, объясняющего Слово Божие. Среди них первостепенными являются дар глоссолатии («го-

ворение на языках»), дар профитии (пророчества) и дидаскалии (учительства). С течением времени первые два критерия, ориентированные на обращение язычников в христианскую веру, потеряли свою значимость. Возросла роль учительского дара проповедника.

Высокие требования, предъявляемые к пастырю вследствие получения им особых полномочий и дарований Святого Духа, сформировали основные требования и знания священника-проповедника. Первым из них является предварительная подготовка к проповедническому служению, включающая знание Священного Писания, трудов Святых Отцов, знания гуманитарных и естественных наук, открывающих возможность использования большего объёма средств воздействия на слушателей. Вторым, но не менее важным от места расположения в приведённом нами списке, является духовный и нравственный облик проповедника. Пастырь должен обладать глубоким убеждением в проповедуемых им истинах и нравственной чистотой, способствующих как успешной реализации проповеднической деятельности, так и самосовершенствованию пастыря - лица, отражающего христианское учение в обществе. Третьим требованием определяется благодатная «помазанность» в слове - влияние слов проповедника, духовно и нравственно возвышающее паству и передающееся через нравственный облик самого пастыря [Булгаков 1887: 114].

Нравственные качества самого проповедника определяют проповедническую деятельность, отражают действенность и эффективность используемых ею приёмов воздействия, дидактизма и агитации. Поэтому проповедь, вбирающая в себя духовные «плоды» души пастыря, отражает его внутренний мир, наиболее сильно воздействует на слушателей, остаётся ярким примером проявления светлых человеческих качеств в памяти людей. «Личность говорящего не меньше значит для убеждения слушающих, чем самое содержание слова и его форма» [Барсов 1885: 45].

Современная проповедь является наиболее самостоятельным и свободным жанром из всех элементов церковно-религиозного стиля. Именно в проповеди – предмете нашего изучения – обнаруживается влияние иностилевых средств (маркеров разговорного стиля, употребляемых в различных формах и типах проповеди, описанных нами выше), обуславливающее особое отношение адресата к этому жанру. Становясь доступным и понятным вследствие использования знакомых слушателю слов и примеров, церковная проповедь осуществляет основные задачи своего дискурса.

Итак, можно сделать вывод о том, что жанр проповеди прошёл долгий и сложный путь формирования и закрепления в жанровой системе церковно-религиозного стиля как ведущий. Опыт научных исканий гомилетики сохраняется и проявляется в каждой проповеди, определяет форму и содержание её текста. Динамичность и изменяемость современной жизни, оказывая влияние и на церковно-религиозную деятельность, проявляется в жанре проповеди в виде лексем других стилей, соотносясь с задачами и функциями данного стиля, и помогает проповеди интерпретировать, анализировать и доносить христианское учение в современных условиях.

Выводы к 1 главе

Итак, мы приходим к выводу о том, что церковно-религиозный стиль является открытой для изучения областью языкознания, что позволяет проводить исследования элементов данной стилевой системы: экстралингвистических факторов, стилеобразующих черт, подстилей, жанрового комплекса и собственно языковых особенностей. При изучении теоретического материала по проблематике нашей работы, а также при рассмотрении современных текстов церковно-религиозного стиля нами была отмечена полиязычность текстов, выражающаяся в использовании языковых элементов церковнославянского и современного русского языков. Это явление обуславливает наличие фонетических, морфемных, морфологических и словообразовательных осо-

бенностей первого из указанных нами языков в религиозной речевой деятельности.

Церковно-религиозный стиль как особый способ функционирования современного русского языка обладает стилистико-речевой системностью, комплексом специфических черт и собственным языковым фондом, посредством чего реализует задачи религиозной деятельности. Элементы других стилей языка, проникающие в религиозную речь, не понижают официальный и возвышенный статус текстов данного стиля, не лишают их сакрального характера, но помогают в достижении специфической коммуникативной цели религиозной области – установлению контакта человека с Богом.

Путь исследования открывается нам преимущественно через жанр проповеди как «ядра» жанровой системы данного дискурса. В гомилетических трудах на протяжении длительного исторического процесса определялись особенности текста проповеди, выдвигались специфические требования к автору и воспроизводителю текста – проповеднику.

Новый этап современной действительности обуславливает и изменения содержательного (тематического) и формального (выражение через лексику других стилей) планов данного жанра, проявляющиеся в использовании иностилевых элементов. Наличие таковых в сочетании с собственно стилевой лексикой реализует стилевые и жанровые задачи, а также обеспечивает актуальность слова проповедника в современном мире и осознание христианского учения через современные языковые образы.

ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОГО СТРОЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ

2.1. Признаки лингвостилистического смешения в тексте проповеди

Приступая к анализу текстов проповедей, мы должны определить критерии проблемы «многостильности» для данной работы, отметить наше понимание подхода к аналитическому рассмотрению современных образцов православной риторики.

Под лингвостилевым смешением мы понимаем соединение иностилевых элементов, вплетение их в полотно текста церковно-религиозного стиля. Смешение может осознаваться автором текста и выступать стилистическим приёмом с целью различно окрашенного эмоционального воздействия на аудиторию.

Лингвостилевое смешение как естественное явление многофункциональной и сложной языковой системы обусловлено связью церковно-религиозного стиля с публицистическим стилем, а также языковой амбивалентностью церковно-религиозного стиля — сочетанием архаических форм церковнославянского и элементов современного живого языка.

Наиболее употребительными являются заимствования из разговорно-бытового, художественного и научного стилей, элементы которых становятся выразителями различных коннотативных значений и отражают современную действительность.

Для проведения анализа нами были выбраны тексты проповедей первого представителя Русской Православной Церкви Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, а также проповеди, произнесённые протоиереями Андреем Ткачёвым и Дмитрием Смирновым. Начинаем анализ с рассмотрения текстов Патриарха.

Первая из избранных нами проповедей произносилась в день памяти евангелиста Иоанна Богослова (21.05.2022 г.) (ПРИЛОЖЕНИЕ А,1). Адреса-

тами выступали преимущественно учащиеся Санкт-Петербургской духовной академии, в храме которой и проводилась торжественная литургия.

Проповедь начинается с упоминания святого, почитаемого в этот день. Далее ритор использует устойчивую формулу официально-делового стиля («*полный рабочий день*»), создавая с помощью неё метафорический образ жизни верующего человека («*у нас вся жизнь – рабочий день*»). Служение Богу сопоставляется со службой, формой занятости в определённой сфере. Данная формула используется преимущественно в области трудовых отношений и указывает на наличие неполных или нерабочих дней. Проповедник же в своей метафоре отмечает, что жизнь человека каждодневно посвящена религиозному служению, духовно-нравственной работе. Книжный оборот «*под (иным) углом зрения*», применённый автором для апелляции к христианскому миропониманию, изложенному в Священных текстах, добавляет проповеди публицистический оттенок.

Близкий разговорно-бытовому стилю фразеологизм «*в своё время*» выражает обращение говорящего к своему жизненному опыту, использованное для открытия аудитории определённой истины, полученной в процессе жизнедеятельности («*люди светские задавали мне такой, казалось бы, простой вопрос: «А вы в этой школе вообще о чем? О чем вы говорите, чему вы учите?»; Я вас научу, как ответить двумя словами: мы о законе жизни*»). Разговорное выражение «*ни больше ни меньше*», несущее экспрессивную окраску с оттенком категоричности высказывания, раскрывает авторскую позицию несомненности в значимости христианского учения как для студента духовной академии, так и для людей, не заинтересованных в религиозной деятельности («*мы о законе жизни*»; «*но мы, верующие, знаем, что закон жизни — это то, что повелел совершать людям Господь наш Иисус Христос*»). Использованная публицистическая формула «*на собственном опыте*» в сочетании с разговорной экспрессивной частицей «*ведь*» и определительным местоимением «*каждый*» также способствует

выражению модальности несомненности слов говорящего. Высказываемое выступает в качестве абсолютной истины и подкрепляется наречием *«всегда»*, усиливающим оттенок достоверности, правдивости речи проповедника. оборот *«роковые последствия»* с архаически-возвышенной лексемой *«роковые»* призван произвести эмоциональное воздействие на аудиторию. Производимый на слушателей эффект дополняется метафорическими формулами, приводимыми в качестве примеров «роковых последствий»: *«разрушается брак»*, *«не хранится верность»*, *«несёт наказание»*, *«теряет семью»*. Конструкция *«никакого счастья»* с пейоративной коннотацией используется в качестве изъяснения рассмотренных выше положений. Развёрнутая метафора *«закручивает петлю вокруг шеи»*, логически связанная с общеупотребительной формулой *«образ жизни»*, довершает синонимический ряд метафорических образов, представленных автором. В ней выражается отношение к пренебрежению и отдалению от христианского мировоззрения как к прекращению жизни.

Данный фрагмент является примером частотного употребления иностилевых элементов, хотя в нем отмечается преимущественно использование средств книжных стилей. Отрывок обладает образностью, выражающейся в ряде эпитетических и метафорических формул. Соотносясь с собственно стилевыми элементами церковно-религиозной речевой деятельности, ресурсы других стилей приобретают дополнительное стилевое значение, направленное на выражение основных черт и коммуникативных задач церковно-религиозного стиля.

Следующий из рассматриваемых нами фрагментов относится ко дню преставления преподобного Серафима Саровского (15.01.2022 г.) (ПРИЛОЖЕНИЕ А,2). Проповедь была произнесена в Александро-Невском скиту, что позволяет нам определить адресатов как членов монастырской общины – религиозно совершенствующихся людей, для которых поиск связи с Божественным является целью жизни.

Книжный фразеологизм *«ставит под сомнение»*, выражающий убежденность автора во второстепенности *«внешних обстоятельств жизни»* в судьбе человека. Под последними понимаются *«комфорт»*, *«достижение благополучия»*, получаемые человеком с помощью *«материальных средств»*. Данные формулы, представляющие официально-деловой и публицистический стили, в высказывании наделяются негативной окраской, поскольку как элементы материального мира находятся в противопоставлении элементам мира духовного (*«сила Божественной Благодати»*, *«благодать Божия»*). Последующий оборот *«и во дворцах руки на себя накладывают»*, имеющий в себе видоизменённый фразеологизм *«наложить на себя руки»*, посредством двойного союза *и-и* находится в логическом соединении с *«и самые богатые с мостов бросаются и погибают»*, содержащим форму превосходной степени *«самые богатые»* экспрессивного характера. Обе эти формулы носят гиперболизирующий оттенок и выступают доказательством определения *«внешних обстоятельств жизни»* как незначительных для воцерковлённого человека. Оттенок достоверности этого заключения добавляется апелляцией к личному и общественному опыту слушателей (*«все мы знаем»*). Книжное высказывание *«подлинное счастье»*, называемое в христианском миропонимании *«полнота бытия»* (*«подлинное счастье или, как мы говорим, полнота бытия»*) открывается человеку через понятие *«благодати Божьей»* как знака Божественной духовной силы, даруемой человеку Богом. Следующий далее усилительный повтор, выраженный сочетанием отрицательной частицы *«не»*, указательного местоимения *«таким»* и экспрессивной частицы *«уже»*, контекстуально негативной, соединяется с помощью частицы *«не»* с разговорным фразеологизмом *«не жить в комфорте»*. Данному ряду посредством союза *«но»* противопоставляется разговорная формула *«быть счастливым»*, в контекстной связи с другими элементами данного текста означающая чистоту души человека и духовно-нравственную направленность его жизни.

Приоритет духовного мира над материальным, выраженный в данном фрагменте, является основополагающим понятием религиозной деятельности. Соединение лексических единиц возвышенного стиля, публицистики и разговорно-бытового (а также просторечного) стиля создают живой и динамичный образ проповеди, убеждающий аудиторию в достоверности сообщаемого.

Рассматриваемая нами далее проповедь была произнесена в день преставления Патриарха Московского и всея Руси Тихона, совпавший с днём Благовещения Богородицы (07.04.2022 г.) (ПРИЛОЖЕНИЕ А,3). Темой стал опыт духовной борьбы святителя Тихона с послереволюционными гонениями. Вспоминая эти события, проповедник соотносит современные политические события с советским периодом существования Русской Православной Церкви.

Метафора *«мы вступили в весьма непростую полосу»* представляет собой фразеологическое сочетание, осложнённое стилистической неоднородностью данной формулы: *«вступили»* отсылает нас к ряду фразеологических оборотов книжного стиля (*«вступить на путь»*, *«вступить в разговор»*) со значениями начинания какого-либо действия; образное определение отрезка общественной жизни *«полоса»* восходит к разговорной формуле с пейоративной коннотацией *«чёрная полоса»*. Используемая лексема *«непростую»* также может быть соотносима с устойчивым разговорным оборотом, семантически дополняющим ряд рассмотренных выше фразеологических форм – *«непростое время»*. Слияние данных лексем определяет современные внешнеполитические события, о которых говорит проповедник, как негативное явление. Пейоративную оценку действительности выражает также словосочетание *«опасные процессы»*. Утвердительно-обобщающим оттенком выделяется оборот *«нет ничего более»*, экспрессивность которого подкреплена последующими эпитетами с негативной окраской (*«гадкого, ужасного и отвратительного»*), находящихся на разных стилистических

уровнях. Разговорная лексема *«гадко́го»* призвана усилить экспрессивный стилистический эффект всеобщего неодобрения происходящих геополитических событий. Книжный фразеологизм, дополненный оценочным эпитетом (*«под сильным давлением пропаганды»*), используется автором текста для убеждения аудитории в наличии враждебной стороны конфликта. Использованный далее метафорический образ *«теряют жизненные ориентиры»*, содержащий в себе устойчивое выражение *«жизненные ориентиры»* отсылает нас к христианскому пониманию жизни и направляет на определение *«жизненных ориентиров»* как христианских ценностей. Вследствие потери жизненных ориентиров люди *«улавливаются в сети дьявола»*. Данный фразеологизм разговорного стиля сопоставим с *«попасть/(-ся) в сети»*, обладает негативным окрасом. Следствием такого заблуждения (*«улавливаться в сети дьявола»*) является невозможность *«различить правду от лжи»*. Данный фразеологизм выражает отношение осуждения и неодобрения. Следует отметить использование книжной лексемы *«ущерба»*, под которой в рамках данного высказывания понимается не материальная составляющая, но возможность искажения христианского учения, что подтверждается дальнейшим уточнением (*«Мы должны молиться в первую очередь о сохранении мира на Украинской земле, о сохранении единства нашей Церкви, о том, чтобы Православная Церковь не потерпела никакого ущерба и, в первую очередь, чтобы никакие лжеучения не нарушили святости церковной»*).

Образностью обладает наименование Церкви *«удерживающей силой»* для духовного врага и геополитического противника. Этот образ впоследствии применяется и к народу. Положительно коннотативным элементом в этой связи выступает публицистический фразеологизм *«всех времён и всех народов»*, отражающий отношение к России как к стране, сохранившей православную религиозную направленность.

Автор использует экспрессивную метафору *«направлены все острые отравленные стрелы»*, обладающую оттенком абсолютности негативного воздействия противоположных сил.

Синтаксический параллелизм, усложнённый изменением синтаксиса последней из находящихся в логическом отношении фразы с целью усиления экспрессивного воздействия на аудиторию, представляет собой восходящий градационный ряд инфинитивов с изменяющейся стилистической окраской (*«разделить Церковь, скомпрометировать Церковь, оторвать Церковь от народа»*). Переносным значением обладает использованная в первой части синтаксического приёма лексема *«разделить»*, под которой понимается разобщение Русской и Украинской Православных Церквей; во второй части единица книжного, публичного стиля *«скомпрометировать»* способствует нарастанию экспрессии за счёт выражаемого пейоративного окраса; разговорный элемент *«оторвать»*, так же, как и первый, реализующий переносное значение, становится эмоциональным пиком данной формулы.

Проповедь была произнесена в день памяти преподобного Сергия Радонежского (08.10.2020 г.) в храме святого благоверного князя Александра Невского в одноименном скиту близ Переделкина (ПРИЛОЖЕНИЕ А,4).

Фразеологизм *«предоставить возможность»* с книжной стилевой характеристикой, соединённый с устойчивым выражением разговорного стиля *«о многом подумать»*, выражает авторскую интерпретацию влияния Божественной силы в жизни человека. Далее оратор предполагает (*«Быть может»*), что историческое развитие общества привело человечество *«до некой точки»* – просторечная экспрессивная формула, преобразовывающаяся далее в тексте в *«точку невозврата»*, сопоставимая с *«критической точкой»*, имеющей терминологический статус [Большой энциклопедический словарь 2000: 351]. «Невозвратностью» точки, на которой находится человечество, оратор указывает на потенцию неизбежности критических для человечества последствий, и призывает, в соответствии с христианским учением,

ориентировать жизнь человека на духовное совершенствование. Побудительная функция данных лексем выражает как оттенок несомненности, так и оценку действительности через христианскую картину мира.

Разговорной лексемой *«напасть»*, находящейся в соединении с книжными выражениями (*«обрушившейся на весь род человеческий»*), где *«обрушившейся»* имеет переносное значение, автор называет пандемию коронавирусной инфекции и находит это событие следствием проявления Божественной силы. Именуя также данный период *«последним звонком»* (по контекстуальному значению данный оборот находится в связи с *«тревожный звонок»* как сигнал об опасности), проповедник реализует убеждающий потенциал проповеди, негативной коннотацией выражения выражает предупреждение о необходимости изменения жизни человека и ориентации на главную цель земной жизни – спасение души.

В конце проповеди автор, используя утвердительную формулу с оттенком долженствования, а также несомненности (*«И да поможет нам Господь»*), применяет метафорическую формулу (*«усвоить этот удивительный урок»*), где определение пандемии в качестве урока отсылает нас к понятию Церковного учения, в котором паства может пониматься в качестве «учеников» Церкви.

Проповедь была произнесена в Неделю 6-ю по Пасхе (29.05.2022 г.) в Храме Христа Спасителя г. Москвы (ПРИЛОЖЕНИЕ А,5).

Используя психологический термин *«стресс»*, проповедник сопоставляет его с христианским эсхатологическим понятием *«скорби»* (книжная возвышенная лексика) [Тиссен 1994: 68], отождествляя их. Отождествление происходит посредством употребления разговорной формулы *«как ни назови»* и следующего за ней сравнительного оборота (*«когда и разум, и сердце словно погружаются»*), осложнённого метафорическим образом (*«стихию страданий»*). Вводя научный термин, ритор указывает на то, что оба явления развиваются во внутреннем мире человека, но распространяются и на внеш-

нее его состояние. Для обоснования этого используется разговорный фразеологизм в переносном значении *«подрывает и физическое здоровье»*. *«Состояние стресса»* как научное терминологическое сочетание соединяется в речи проповедника с возвышенным книжным – *«тяжести душевной»*. В сочетании этих разностилевых формул, первая из которых тяготеет к мирскому, земному пониманию, а вторая – к духовному прослеживается лингвостилевая черта оценки реальности с точки зрения христианского миропонимания. Подобные семантические соединения разностилевых форм мы видим и в выражениях: *«по состоянию здоровья»* - формула официально-делового стиля административного подстиля; *«утрату близких»* - книжное сочетание с церковной характеристикой последней лексемы; *«неудачей по работе»* - выражение, тяготеющее к разговорному стилю. Находясь в одном логическом ряду как примеры скорби и стресса, данные формулы выступают как понятные и знакомые явления для аудитории. Приводя примеры из мирской жизни, автор реализует черту достоверности, несомненности сообщаемого.

Проповедь была произнесена в Неделю 29-ю по Пятидесятнице (27.12.2020 г.) в Александро-Невском скиту близ Переделкина (ПРИЛОЖЕНИЕ А,6).

Автор использует метафорическую формулу *«стяжание успехов по карьерной линии»*, содержащую книжную риторическую лексему *«стяжание»* в переносном значении - по «Толковому словарю русского языка» Д.Н. Ушакова: «стяжать» — «приобрести», «снискивать» [Ушаков 1939: 661] и устойчивый оборот делового стиля *«карьерная линия»*. *«Стяжанию»* земных благ противопоставляется *«стяжание Царствия Божия»*, воспринимаемого как *«самая главная ценность жизни»*. Автор выражает негативную оценку, определяя, что в современном мире эта главная жизненная цель *«оказывается на периферии»*. *«Периферию»* следует понимать в переносном значении; это образное выражение, представляющее отдалённость современного человека от духовных ценностей, погружённость общества в

«гушу повседневной светской жизни». Последняя метафора имеет пейоративный стилистический окрас.

Градационный ряд (*«на работе много дел, в семье много проблем, материальные факторы не всегда складываются благополучно, со здоровьем не всегда все хорошо...»*) содержит соединение формул собственно разговорного стиля, а также формул, осложнённых разностилевым лексическим составом (*«материальные факторы не всегда складываются благополучно»*). В последнем примере мы наблюдаем соединение терминологического оборота делового стиля (экономической сферы деятельности); сочетания отрицательной частицы *«не»* с наречием времени *«всегда»*, выражающего разговорный стиль; глагола несовершенного вида *«складываются»*, обладающего образным потенциалом; наречия качества *«благополучно»* как выразителя негативной оценки всего суждения.

С помощью метафорического образа высокого стиля *«вера не погибала в неких терниях»*, в котором *«тернии»* именуют приоритет земного, житейского над духовным в сознании аудитории, автор реализует черту символизации событий невидимого и видимого миров. Другая метафора (*«наше стремление к Богу не наталкивалось на непреодолимую преграду»*) содержит идиоматическое выражение *«непреодолимую преграду»*, также характеризующее отстранённость, отдалённость от религиозных истин, преподносимых учением Церкви.

Проповедь была произнесена в Неделю 28-ю по Пятидесятнице (20.12.2020 г.) в Александро-Невском скиту близ Переделкина (ПРИЛОЖЕНИЕ А, 7).

Повествуя о прокажённых, которых исцелил Иисус Христос, автор описывает их положение до исцеления: *«у них не было никакой надежды на будущее»*. Книжное, преимущественно публицистическое выражение обладает обобщающей утвердительной отрицательной семантикой за счёт использования отрицательного местоимения *«никакой»*. Эпитетическое выра-

жение *«страшная участь»*, принадлежащее к книжному стилю, выражает негативную оценочность и реализует эмоциональное воздействие на аудиторию. Фразеологический оборот *«открывать возможности»*, логически дополненный автором, обосновывает Божественную силу и благость Божественного существа и убеждает в этом аудиторию. Следующий далее сравнительный оборот, содержащий метафору *«глоток чистого воздуха»*, сопоставимую с общеупотребительной *«глоток свежего воздуха»*, где лексема *«чистого»* выражает понятие духовной чистоты и безгрешности Божественной сути. Именно исцеление Господом прокажённых было для этих людей *«глотком чистого воздуха»*. Символизация событий и фактов невидимого мира, а также оценочность речи воплощаются в данном примере.

Первая из избранных нами проповедей протоиерея Андрея Ткачёва была произнесена на Воскресном Всенощном бдении (14.12.2019 г.) (ПРИЛОЖЕНИЕ Б, 1). Содержит сочетания архаических форм с элементами разговорного стиля, просторечиями со свойственной им экспрессивностью и оценочностью: *потом, и так далее, совсем мало, всего лишь* способствуют реализации функции оценочности. Выбранные проповедником лексемы с эмоционально-оценочной и пренебрежительной окраской (*пожевать, покопать, совсем мало, сказку сочинить*), выводящие публичное выступление из рамок формального общения, призваны убедить слушателя в доступности изучения им текстов Священного Писания, в возможности их понимания человеком. Наблюдается использование фразеологизмов и выражений разговорного стиля, создающих определённый воздействующий эффект на слушателей: *китайская грамота, просто удушье, бескислородная жизнь*, гипербола *миллионы грехов*. Образностью обладает и сравнение Божьего Слова с мечом, вооружившись которым человеку предстоит проходить жизненный путь: *«Потому что – Слово Божие сильное, на грех жесткое и, как меч, – обоюдоострое. Посекает всякую нечисть. Вооружайтесь Божьим Словом. У нас больше нет оружия. У нас есть только Литургия и Божие Слово. У нас больше нет оружия»*. Лексический повтор усиливает воздей-

ствии этого приёма. Этот же эффект производят отдельные словосочетания, применяемые автором (*«от сопляков несчастных до стариков седых»*), экспрессивность которого выражает, в первую очередь, оценочную функцию обобщающего характера.

Следующая проповедь была произнесена в храме святителя Василия Великого в селе Зайцево Московской области (29.12.2015 г.) (ПРИЛОЖЕНИЕ Б, 2).

Умышленная гиперболизация (*«есть нечего»*), относящаяся к описанию человека *«в ондатровой шапке»*, которую можно воспринять как метонимию, способствует реализации воздействующего эффекта. Оценочные лексемы разговорного стиля *короночку, квартирку, на хорошей машине, дурачить, издеваться, идиот*, используемые автором текста в примерах, являясь отражением личного восприятия священника, распространяют влияние и на аудиторию, принимающую негативную окраску данных лексем.

Частотно применение фразеологизмов разговорного стиля: *от всего сердца, и говорить нечего, в знак благодарности, вот и весь разговор, идти по принципу* (схожее с *«идти на принцип»*), *только и всего, очень частая ситуация, она за него душу кладёт, по возможности* (наречное выражение, так же свойственное разговорной речи), *свободное время, как само собой разумеющееся, быть со всеми в хороших отношениях, неписанный закон, ищем лёгких путей, шаг по направлению, приносят им (огромную) пользу, во что бы то ни стало, по возможности, палку не перегибал* (соотносимое с *«перегибать палку»*), *границы не переступала* (соотносимое с *«переступить границы»*), *как говорится, твоё дело, за тридцать земель, все кругом должны, всё и так предельно ясно, рассчитывал на большее, спрашивается, собственно, имеет наглость, не постеснялся, Тартюфа на шею вешает, козлиное упрямство* (соотносимое с *«ослиным упрямством»*) [Молотков 1986 : 134]. Отдельные лексемы и комбинации слов разговорного стиля характеризуются оценочностью и негативной окрашен-

ностью: *неохота* (в сочетании «*работать неохота*»), *плохо* (оценочность данной лексической единицы является выражением субъективной позиции автора). Экспрессивность данных выражений, их связь с живой речью русского языка обеспечивает доступность их восприятия слушателями, органичность присутствия данных словосочетаний в динамичной проповеди Ткачёва.

Данный текст обладает образностью, передающейся через средства выразительности. Сравнением является применённое автором в начале текста высказывание: «*Потому что слово Божие должно входить, как «меч обоюдоострый», в наше сердце*». При дальнейшем рассмотрении текста мы видим гиперболы: *таких случаев сотни и тысячи, ситуация тривиальная до тошноты, всей подлости, в этом нет никакой правды*, наличие которых усиливает значимость позиции священника в сознании паствы. Эпитеты, использованные проповедником, также направлены на активизацию функции несомненности приводимых автором примеров (в которых эти эпитеты и используются): *полная правда, полная справедливость, великая польза, ужасающий разврат*.

Иносказательность текста проповеди проявляется также в метафорах: «*(это не значит), что наша жизнь отменяет добро или отменяет Евангелие*», «*последними козлами*» (последняя выведена автором из цитируемого им фрагмента из Евангелия от Матфея об овцах и козлах и относится к зооморфным метафорам), «*к сочувствию собственной страсти*», «*излияния своего раздражения*», «*этим испытаниям на нас надвигаться*», «*ради охранения своего комфортного бытия*», «*шаг навстречу Богу*», «*расчёсывая своё самолюбие*», «*движения своей души*», «*автоматически-механическое*», «*жизненных коллизий*», «*во внешней жизни*». Разнообразие коннотаций данных лексем способствует динамичности текста, его всестороннего воздействия на слушателей (как средствами с негативной окрашенностью - *последними козлами, к сочувствию собственной страсти, излияния своего раздражения, ради охранения комфортного бытия, рас-*

чѣсывая своё самолюбие, автоматически-механическое, так и положительно окрашенными единицами текста). Ироническим характером обладают экспрессивные восклицания: *«Ничего себе! Какая серьёзная проблема! Как это всё очень вкусно и здорово связано!»*. Использование слов в переносном значении (*отцеживание, эксплуатировать*) также направленно на активизацию выявленных нами функций. Выявленные языковые средства образительности характеризуются отнесённостью к разговорному стилю русского языка.

В рассматриваемом тексте встречаются приметы других функциональных стилей языка, в частности, публицистического, официально-делового и научного. Их проявление в тексте выражается в использовании устойчивых речевых формул, свойственных названным стилям. К публицистическому стилю относятся такие выражения, как: *имеют счастье, гуманитарная помощь, всей подлости, каким образом, никакого отношения (...) не имеет, сфера деятельности, с какой целью, сумеет приобрести (некоторый навык), какой смысл того, в данный момент, заключается в том, образ жизни*. Некоторые из выбранных нами лексических сочетаний являются также маркерами научного и официально-делового стилей: *сфера деятельности, в данный момент, заключается в том*. Словосочетания *каким образом, с какой целью, какой смысл того*, входящие в состав риторических вопросительных предложений, способствуют реализации одного из приёмов проповеди, так же применяемого для достижения общей цели текста.

Негативная окрашенность лексем публицистического стиля (*компромисс, скрупулёзном*) определяется контекстуальными связями элементов текста, соединениями с другими словами: *«потому что так проще: компромисс во что бы то ни стало»; «вот ради чего, вот мотив наших компромиссов, но совсем не мир Божий, нет, к сожалению, это не так»; «скрупулёзном исполнением устава»*.

Устойчивые формулы научного стиля со значением уверенности, семантически определяющие достоверность слов автора (*в девяноста процентах случаев, в ста процентах случаев*), а также устойчивые речевые формулы, специфичность употребления которых возвышает речь автора, несколько сниженную вследствие использования разговорной речи и просторечных выражений с негативной окраской, помогают логически выстроить текст: *к искомому состоянию, вида пищи, из чего я исхожу, рассматривать.*

Данные проповеди, характеризующиеся многопредметностью, выражают свободу мыслей автора, что обуславливает наличие различных языковых единиц, отличающихся друг от друга по стилистике и коннотации.

Являясь понятными и доступными для участников коммуникации, проповеди протоиерея Ткачёва составляют яркие примеры независимости языковых средств его проповеднической деятельности, целостности созданных им текстов.

Следующими примерами для анализа влияния иностилевых средств на текст православной проповеди являются проповеди протоиерея Димитрия Смирнова, также отличающиеся динамичностью и остротой слияния различных языковых средств.

Первая из избранных нами для анализа проповедей была произнесена на Воскресной службе (16.10.2016 г.) (ПРИЛОЖЕНИЕ В, 1).

Иностилевое влияние проявляется в отборе языковых средств, способствующих активизации основополагающих задач и функций стиля (следовательно, и жанра). В тексте представлены устойчивые выражения: *большинство людей, напрасная трата сил (и энергии), говорить (им) бесполезно, главный смысл, благословение брать, лакмусовая бумажка, сделать добра, сделать с собой* (в значении «измениться»), *гадость сделать, в конце концов, вот, собственно, и всё, мало кто хочет, не твоё дело, если кто не знает, пойдёт этим путём, обманули дурака на четыре кулака,*

выглядеть получше, по сравнению с, вообще ничто, будешь чувствовать себя здесь, как дома, совсем не для всех, не так уж много. Отдельные примеры выражают большую степень уверенности, несомненности (*большинство людей, мало кто хочет, если кто не знает, вот, собственно, и всё*). Встречаются так же словосочетания экспрессивного характера (*говорить (им) бесполезно, гадость сделать, не твоё дело, вообще ничто*), характеризующиеся негативной коннотацией. Просторечное выражение *не для всех*, дополненное лексемой *совсем* со значением «вовсе не» [Ушаков 1939: 28], путём сочетания этих единиц речи приобретают негативную коннотацию, выраженную семантикой отдалённости, ограниченности вхождения в Царство Божие («*Царство Божие – совсем не для всех*»). Данные устойчивые формулы представляют разговорный стиль и просторечия, и, вследствие этого, уровень негативной окрашенности приведённых словосочетаний отличается: *обманули дурака на четыре кулака*, схожее по построению и лексическому набору с проявлениями детского фольклора, находится в одном тексте с выражением «*не твоё дело*», имеющим пренебрежительный оттенок. В тексте используется поговорка: *Бог дал - Бог взял*, применение которой так же, как и в перечисленных ранее лексических сочетаниях, обуславливается иносказательностью текста.

Проявление разговорного стиля выражается в употреблении частных лексических единиц и словосочетаний: *кушает, гулящую, мерзка, давал, не старой (женщине), ага, не знаю, всяческого, шибче, горячей, гадость, хорошенько, платьице, костюмчик, подешевле, симпатично, в тапочках, мяска небольшого, обижали, обирали, вот ты так не делай, сумел, слабо, вообще, плотно-плотно, угробил, расхваливать, скинули, всякие, дорогой (обращение), уловила, в джинсах, обхамят, рыбку*. Данные лексические средства за счёт выраженности уменьшительно-ласкательными грамматическими формами, а также под влиянием условий употребления приобрели негативную окрашенность, иронический оттенок, передающий отношение священника к предметам и явлениям «мирской» жизни. Просторечная форма

слабо, применённая автором, является лексемой неформального общения. Экспрессивные просторечные по стилистической окрашенности средства *шибче, гадость, обирали, угробил, обхают*, употребление которых также ограничено условиями коммуникации и ролями участников общения, близки и понятны слушателю, вследствие чего происходит реализация воздействующей функции.

Образность данного текста проявляется в использовании различных средств изобразительности, по семантическому признаку относящихся как к книжной лексике, так и к разговорным формам. Встречаются также лексемы, употребление которых свойственно публицистическому стилю.

Среди метафор, использованных автором, следует выделить следующие: *стремился в Царствие Божие, очень важные слова, благочестие (было) декоративное, рознь мира сего, мощные африканские чувства, повинуюсь тому, что у него в душе, крашеный оргалит, вступить на путь, насквозь фальшивое, крашеной фанерой, червячкам на радость, специальная успокоительная формула, вектор жизни, Царствие Небесное приходит к нему в сердце, воцаряется грех, заполняет своё сердце грехом, звонить на весь мир, тайна твоей души, во имя тщеславия, пройти испытания, самое драгоценное*. Развёрнутой метафорой является высказывание: «*Вся движимость, недвижимость, все деньги в банках, все недра всех стран, все леса, вся пушнина, все рыбы, крабы, осьминоги, кальмары, креветки - всё твоё!*». Оригинальность приведённых метафор (*мощные африканские чувства, крашеный оргалит, потренироваться в покаянии*), характеризующаяся созданием нетипичных словосочетаний из лексических наборов разных функциональных стилей языка («*рознь*» по «Толковому словарю» Д.Н. Ушакова, является средством разговорной речи, выступающим в сочетании с устойчивым выражением, фигурирующим во многих фразеологизмах - «*мира сего*» (*сильные мира сего, не от мира сего*) и обладающим оттенком возвышенности вследствие архаической формы лексемы *сего*, пе-

ренимает возвышенную тональность данного выражения и предстаёт перед слушателем уже в другой коннотации; *крашеный оргалит*, где присутствует наименование строительного материала (в «Словаре строительных терминов» определяется как древесноволокнистая плита). Данная метафора применяется священником к людям, использующим свою принадлежность к христианской конфессии как обстоятельство возвышения социального статуса перед обществом), способствует усилению воздействия функций проповеди.

Ироничностью обладают отдельные лексемы, представленные архаической единицей «*извольте*» и вежливым обращением «*пожалуйста*», сменившим коннотацию вследствие создания определённого эффекта.

Основной лексический состав данной проповеди, проанализированный нами, содержит языковые средства с негативной окраской, соединившейся с иронией и бытующий в формах разговорного стиля.

Вторая проповедь протоиерея Смирнова была произнесена в Храме Благовещения Пресвятой Богородицы (21.05.2016 г.) (ПРИЛОЖЕНИЕ В, 2).

Маркерами разговорного дискурса являются: *бредом, неудобно, тряпочку, клянчить, отгребаться, растолстела, приобрёл*. Чертами данного стиля также обладают фразеологизмы и устойчивые выражения: *ставит в тупик, как на корове седло, зависть гложет, топать ногами, портить отношения, целыми днями, чем должен жить человек, попадёт впросак*. Также к устойчивым формулам разговорного языка относится современное выражение «*сидит в соцсетях*». Выражение *портить отношения* в соединении с устаревшей формой *родич* (с *родичами*) представляет нестандартное образование, исторически сближающее аудиторию с аудитором. Сниженный характер данных лексических средств дополняется негативной коннотацией.

Данный текст также изобилует языковыми средствами (и сочетаниями средств) научного стиля: *ставил задачи, давало (бы) основание, с определённой целью сказать, задача, является, функциональность, в данный момент, можно рассматривать*, употребление которых наблюдается и в со-

временной бытовой речи, что обуславливает повышенную степень проникновения данных средств в церковно-религиозный стиль.

В тексте представлены языковые единицы (модальные обстоятельства и наречия), выражающие семантику несомненности, большей степени уверенности (*конечно, действительно, собственно, весьма* («*на весьма высокую гору*»)). Выражая субъективную позицию автора, они дополняют черту несомненности сказанного представителем религиозного сообщества и воспринимаются прихожанами как приметы истинности, достоверности слов пастыря. Языковые единицы этой группы завершает побудительное высказывание Смирнова: «*Надо Богу доверять*».

Символичность данной проповеди проявляется в средствах изобразительной выразительности, в частности, эпитетах: *первейший враг, всякие сокровища, вечной смерти*; метафорах: *сатанинское свойство, падшего человека, отрывается от Бога, вошёл в наше сердце, видим в себе зависть, напитывать душу свою Словом Божиим*. Лексемы *выдержал, поощрять* имеют переносное значение. Симбиоз средств возвышенной лексики (*вечной смерти, падшего человека, напитывать душу*) со средствами сниженной (*всякие сокровища*) представляет органичность комплекса речевых единиц данного текста.

Контрастность лексических средств возвышенной, книжной лексики и разговорно-бытовой отличает проповеди данного автора. Своеобразие используемых лексических сочетаний, элементов разной стилистики и коннотации выделяет данные тексты на фоне других, способствует усваиванию нестандартной интерпретации и примеров в сознании людей, развивает интерес и к самой личности проповедника. Реализации основных функций и задач стиля (и самого жанра) проходят успешнее благодаря иностилевым языковым средствам, вносящим динамику и оригинальность в жанр проповеди.

На основе проведённого анализа мы приходим к выводу о том, что для текстов современной православной проповеди характерно явление стилевого

смешения. Мы наблюдаем наличие как лексических единиц и фразеологических оборотов, так и тропеических форм (метафор и эпитетов), стилистически отличающихся от языковой совокупности церковно-религиозного стиля. Встречающиеся соединения лексем разных стилей современного русского языка способствуют созданию образности речи проповедника, её оригинальности. Частотным является употребление лексики публицистического стиля.

Органично сочетающиеся с собственно стилевой лексикой церковно-религиозного стиля, иностилевые языковые средства подчиняются основным коммуникативным задачам рассматриваемого дискурса, а также реализуют функции эмоционального воздействия и убеждения в сознании аудитории.

Использованные иностилевые элементы и комплексы элементов отражают явления общественной действительности, понятные слушателям, а также способствуют усилению воздействующей направленности жанра проповеди.

2.2 Синтаксические особенности современной православной проповеди

Приступая к анализу явлений синтаксического уровня языка в текстах проповедей, мы должны указать, что обращаем внимание как на стилевые формы, свойственные церковно-религиозному стилю, так и на проникающие из других функциональных стилей явления.

В первой из рассмотренных нами проповедей Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, произнесённой в день Радоницы в Архангельском соборе Московского Кремля (03.05.2022 г.) (ПРИЛОЖЕНИЕ А, 12), мы наблюдаем синтаксический повтор начальных предложений текста, а также полный повтор тех же предложений в конце, именующийся симплокой («*Христос Воскресе! Христос Воскресе! Христос Воскресе! Воистину Воскресе Христос!*»). Данное явление характерно для синтаксического строя экспрессивных стилей (художественного и публицистического). Экспрессивные вос-

клициания, усиленные за счёт многократного повторения, обладают оттенком утверждения.

Встречающаяся в проповеди вопросно-ответная конструкция, также присущая публицистике, осложнена инверсией, способствующей выразительности высказывания («*А почему радость? А потому что всякое поминовение усопших, которое идет от сердца, грустью не сопровождается, но сопровождается молитвой о том, чтобы Господь души усопших принял в Небесное Свое Царство*»). Подобные конструкции активизируют внимание аудитории, привлекая присутствующих на проповеди к смысловой значимости инверсионно выделенных положений христианской веры: восприятия физической смерти как радостного события в жизни верующего человека, означающего переход в небесный, лучший мир.

Частотно употребление анафорических фигур, находящихся как в рамках одного предложения («*Для Бога нет мертвых, для Бога все живы*», «*Кто-то прославлен, кто-то не прославлен...*»), так и соединяющих отдельные предложения («*И да помогут нам святые угодники, в земле Русской просиявшие. Да помогут нам молитвами своими и те, кто здесь почитает своими телами, но, верим, многие из них душами предстоят пред Господом*»). Первые из отмеченных нами примеров относятся к разговорному стилю. «*Для Бога нет мертвых, для Бога все живы*» обладает обобщающим характером и положительной коннотацией. Анафорическая часть предложения «*И да помогут нам*» выступает утверждением с оттенком долженствования и относится к собственно языковым формулам церковно-религиозного стиля. Вводные слова «*конечно*», «*думаю*» передают убежденность говорящего в сообщаемых им положениях.

Вторая из рассмотренных нами проповедей была произнесена в канун среды Страстной Седмицы в Храме Христа Спасителя в Москве (19.04.2022 г.) (ПРИЛОЖЕНИЕ А, 13).

Вставная конструкция *«во-первых»*, указывающая на логичность изложения, принадлежит научному стилю. Уточняющая конструкция *«ещё раз хотелось бы подчеркнуть»*, выполняет акцентирующую функцию и активизирует внимание аудитории на важной детали повествования. Это подтверждается и интонационным выделением ударного первого слога (*«копила большую часть»*). Ряд однородных членов (*«его мировоззрению, его умонастроению, его чувствам»*), представляющий собой восходящую градацию, завершающийся обобщающим вышеописанные позиции *«всей его природе»* (за счёт использования определительного местоимения *«всей»*), посредством градационного построения усиливает воздействующий эффект. Риторический вопрос (*«Но если внимательно посмотреть на самих себя?»*) используется автором в целях реализации функции воздействия. В тексте присутствует ряд вопросительно-побудительных конструкций (*«Конечно, не каждый предаёт, слава Богу, хотя и предатели бывают; но каждый ли готов от себя отдать в пользу другого, даже имея достаточные средства? И поэтому, когда мы вслушиваемся в слова сегодняшнего Евангелия, то, конечно, очень важно спросить самих себя: а где мы? На какой стороне? Чего в нашей жизни больше — того, что совершила женщина, или того, что было присуще Иуде?»*). Вопросительные предложения, обращенные к присутствующим, позволяют побудить мыслительную активность аудитории и соотнести личный опыт слушателя с предлагаемыми Священным Писанием примерами.

Продуктивными выступают придаточные сложноподчинённые предложения, а также предложения, начинающиеся с придаточных союзов (*«Потому нам и предлагается сегодняшнее чтение – чтобы мы, осознав пагубность и безобразие того, что совершил Иуда, осознав величие и красоту поступка той женщины, последовали ее примеру настолько, насколько можем, настолько, насколько хватает сил, настолько, насколько хватает разума»*). В данном примере повторы сопоставительных союзов *«насколько – насколько»* способствуют созданию синтаксического паралле-

лизма и одновременно усиливают образность текста, акцентируют смысловое и эмоциональное значение данных лексем.

Следующий из рассмотренных нами примеров был воспроизведён в день памяти Иоанна Богослова в академическом храме св. Иоанна Богослова Санкт-Петербургской духовной академии (21.05.2022 г.) (ПРИЛОЖЕНИЕ А, 1).

В анализируемом тексте отмечается частотное употребление восклицательных конструкций (*«Среди нашей братии выгорать никто не может — только возгорать, возгорать и возгорать!»*, *«И как хорошо это видно сейчас, в XXI веке: кризис в экономике, кризисы в политике, кризис в культуре!»*). Оба примера содержат лексические повторы во второй части предложения, усилительная функция которых направлена на создание эмоционально-экспрессивного воздействия на аудиторию. Примечательно использование прямой речи, с помощью которой автор воспроизводит подробности своего личного опыта и актуализирует предмет своего выступления (*«В свое время, когда я был ректором, люди светские задавали мне такой, казалось бы, простой вопрос: «А вы в этой школе вообще о чем? О чем вы говорите, чему вы учите?»*»).

Проповедь Дмитрия Смирнова, рассмотренная нами (16.10.2016 г.) (ПРИЛОЖЕНИЕ В, 1), композиционно отличается от вышеописанных анализируемых текстов: проповедник последовательно комментирует слова Иисуса Христа из Евангелия от Луки [Лк. 6, 27-33] (*«Итак: «любите врагов ваших». Это говорит тот, кто создал вселенную <...> «Благотворите ненавидящим вас». Если некий человек тебя возненавидел, ты должен творить добро по отношению к нему»*). Параллельное построение придаточных частей (*«Это говорит тот, кто создал вселенную, тот, кто заповедовал Своим ученикам Евангелие, тот, кто устроил для всех, кто Его слушает Царствие Божие, тот кто пришёл на землю, чтобы нас спасти»*) способствует нарастанию экспрессивности, реализует черту достовер-

ности, несомненности сообщаемого. Парцелляция («*А дальше что? Дальше преисподняя, дорогой. Спасения-то нет. Главное – спасение*»), создающая интонационную экспрессию, также способствует реализации этой черты.

Построением, тяготеющим к научному стилю, обладает следующее предложение: «*Ты – а) самый известный; б) самый богатый; в) самый красивый; д) имеешь все самые замечательные награды*». Использование данной структурной схемы способствует краткости изложения и одновременно выделению наиболее значимых с точки зрения авторской логики смысловых отрезков. Подобные построения направлены на активизацию внимания аудитории и вовлечению слушающих в процесс соразмышления.

Использование неполных и эллиптических предложений как продуктивных синтаксических моделей для построения текста также характерно для риторики данного проповедника («*Главное – спасение*», «*Только ежедневный собственный труд – для того, чтобы достичь Царствия Небесного*»).

Эпифора, объединяющая предложения с синтаксическими рядами описательных характеристик церковного прихода, построенными посредством полисиндетона и антитезы, («*Невод закинут, и всякая рыба всякого рода уловилась – и мужского пола рыбка, и женского, и лысые, и курчавые, и одетые в юбку до пят, и в джинсах – всякие. Крашеные, некрашеные, в очках, без очков, умные, полные дураки – всякие*») усиливает эмоциональную окрашенность данного высказывания.

Итак, мы можем сделать вывод о том, что экспрессивно-оценочная модальность как одна из ведущих черт церковно-религиозного стиля реализуется в современных проповеднических текстах также на синтаксическом уровне. Частотные (в жанре проповеди) синтаксические приёмы – анафора, эпифора, синтаксический параллелизм, парцелляция, а также экспрессивные типы предложений (неполные, вопросительные, восклицательные) и вводные компоненты являются носителями эмоционально-экспрессивной оценки пре-

имущественно побудительного и убеждающего характера. Проповедь как речевой жанр выражает экспрессивный потенциал интонационно, что также находит отражение в синтаксисе её текстов.

2.3. Средства диалогизации в текстах проповеди

Коммуникативные цели и задачи церковно-религиозного стиля обуславливаются ориентацией на установление контакта человека с Богом через постижение духовных религиозных истин. Специфика данной проблемы определяется тем, что познание и принятие духовного мировосприятия происходит опосредованно – через изучение Священного Писания и Священного Предания, а также через коммуникацию с представителями Церкви. Коммуникативный акт, проводимый в сфере религиозной деятельности (в частности, на богослужениях, после которых следует проповедь), представляет собой публичное устное выступление. Отмеченное нами ранее формальное и функциональное сближение церковно-религиозного дискурса с публицистическим обуславливает наличие в текстах проповеди выразителей коммуникативной функции – регулятивов, перенятых из публицистического стиля. Имплицитным показателем коммуникативных отношений адресанта – реципиента выступает диалогичность как обращённость автора к аудитории. Отмеченная в работе Л.Р. Дускаевой [Дускаева 2004] особенность, заключающаяся в присутствии диалогичности в монологическом виде речи, каким является жанр проповеди, рассмотрена нами в данном параграфе.

Начнём анализ данного явления с рассмотрения первой из избранных нами в других параграфах проповеди (ПРИЛОЖЕНИЕ А, 1).

Адресованность аудитории выражена в эксплицировании идентификации позиций проповедника и прихожан («МЫ С ВАМИ») и присутствует во всех смысловых частях текста: «**В этот день мы прославляем апостола и евангелиста Иоанна Богослова**», «**но мы, верующие, знаем**», «**над наро-**

дом нашим, над Церковью нашей, над молодежью нашей», «И верим, что...».

Обобщающая функция личного местоимения множественного числа «мы», под которым подразумеваются не только слушающие данную проповедь, но и «вообще все», ограничена добавочным уточнением *«верующие»*. В сочетании с личными формами глаголов в настоящем времени, имеющими в данном контексте значение настоящего постоянного, местоимение «мы» указывает на постоянность данной смысловой позиции, на то, что высказываемое ритором является не субъективной оценкой, а общеизвестным утверждением. Адресованность аудитории осложняется выраженной сменой обращения ко «всем вообще» и к конкретной группе участников данного коммуникативного акта (находящихся в одном помещении с коммуникатором) (*«Но для того, чтобы быть убедительными, вы сами должны быть в этом убеждены», «Очень важно, чтобы выпускники духовной школы...»*), обращение к последним обусловлено формальным выражением в третьем лице, в чём мы видим имплицитную адресованность ко «всем вообще» выпускникам духовной академии, прошлым и будущим.

Полилогичность проявляется в приведении автором ряда неопределённых местоимений и личных местоимений 3 лица для номинации не верующих в Бога или не вполне воцерковленных людей, которые пока не обрели веру и истинное знание или сомневаются: *«спрашивают те, кто не вполне воцерковлен», «большинство людей не знают», «Кто-то, может быть, верит в Бога, кто-то сомневается, кто-то плечами пожимает»*. Именно этим людям проповедник обращает свое слово, выражающее свою позицию и одновременно убеждающее их в истинности жизни по нравственным законам (*«Кто-то, может быть, верит в Бога, кто-то сомневается, кто-то плечами пожимает, но ведь каждый понимает: если жить по нравственному закону, то все будет хорошо, а если отступаем от закона, то по-*

гружаемся в стихию греха, который может казаться очень привлекательным, но его последствия всегда разрушительны»).

Вводные слова со значением модальности несомненности («*наверняка*», «*действительно*») усиливают истинность излагаемого и одновременно – весомость авторской позиции, и являются выразителями оценки сообщаемого. Посредством составных глагольных и именных сказуемых, имеющих значение долженствования («*Нужно осознавать*», «*должны быть убеждены*»), выражается побудительный характер сообщения, обращенного к слушателям.

Вопросно-ответные конструкции как продуктивная форма диалога также присущи текстам проповеди. Они отражают информирующую функцию указания на развёртывание взаимодействия смысловых позиций от незнания к знанию: «*Почему так? А потому что это и есть закон жизни*».

Следующая из рассмотренных нами проповедей (ПРИЛОЖЕНИЕ А, 6) содержит иронию как одно из средств диалогизации («*Он посылает слугу привести людей на этот пир, но один отказывается, потому что — какая величайшая причина, какое огромное достижение! — купил пять пар волов. Не могу прийти на пир, говорит этот человек посланному от господина слуге, ведь волов испытать надо. А другой? А другой землю приобрел. Нужно же посмотреть на эту землю, как же я пойду на пир, — он тоже отказывается. Ну, а третий женился — какой же пир может быть у кого-то еще, когда у меня здесь свое собственное счастье?») выражающуюся восклицательными и вопросительными риторическими вставными конструкциями, передающими эмоционально-экспрессивную модальность.*

В следующей проповеди (ПРИЛОЖЕНИЕ А, 13) отмечается использование прямой адресованности в форме побуждения активизировать мыслительную деятельность аудитории [Дускаева 2004: 53]: «*Но если внимательно посмотреть на самих себя? Скорее всего, в нас постоянно присут-*

ствуют оба эти начала. Одно — выразившееся через поступок женщины, другое — то, что было присуще Иуде. Конечно, не каждый предает, слава Богу, хотя и предатели бывают; но каждый ли готов от себя отдать в пользу другого, даже имея достаточные средства? И поэтому, когда мы вслушиваемся в слова сегодняшнего Евангелия, то, конечно, очень важно спросить самих себя: а где мы? На какой стороне? Чего в нашей жизни больше — того, что совершила женщина, или того, что было присуще Иуде? И если честно посмотрим на самих себя, то скажем: в моей жизни, конечно, бывало, что я помогал людям, но, если быть до конца честным, было и то, что присуще Иуде». В приведённом примере содержится и выражение смысловой позиции проповедника, направленной на убеждение аудитории в несомненной истинности высказываемого. Побуждение используется для сообщения о необходимости вернуться к сказанному проповедником ранее, сопоставить аллегорические библейские образы с внутренней жизнью адресата. Форма адресации «МЫ С ВАМИ» также способствует выражению побуждения («Богослужением, которое мы сейчас совершили», «Мы входим с вами в особые дни Страстной седмицы»).

Выраженная грамматическими показателями форма 1 лица (через личное местоимение 1 лица «я» и форму глагола единственного числа прошедшего времени), выражающая авторское начало и повествование от 1 лица в тексте, в коммуникативном плане переходит в выражение обобщённо-личной смысловой позиции («*бывало, что я помогал людям, но, если быть до конца честным, было и то, что присуще Иуде. По крайней мере, я не всегда был готов делиться своими возможностями с другими людьми*»).

Итак, мы приходим к выводу о том, что диалогическая природа публичного выступления монологической формы находит отражение и в жанре проповеди. Ведущим видом адресации выступает соединение смысловых позиций «автор» - «аудитория», что способствует реализации специфических задач веры как формы объединения общества в рамках религиозной деятель-

ности. Вопросно-ответный комплекс носит информирующую функцию и указывает на дидактическую, учительную направленность церковно-религиозной сферы общения. Побудительное значение использованных в текстах проповеди средств сочетается с собственно стилевыми чертами церковно-религиозного дискурса, проявляющимися в текстах рассматриваемого нами жанра, и способствует их воплощению.

Продуктивность частотной в данных примерах формы адресованности – «МЫ С ВАМИ» – обусловлена специфическими особенностями религии как общественно-духовной формы объединения социума. Данная форма направлена на создание в сознании аудитории отождествления своих личностных ориентиров с религиозными установками православной Церкви. Также данная форма способствует реализации функции убеждения за счёт соединения с глаголами в настоящем постоянном времени, значение которых передаёт абсолютность, несомненность действий, описываемых данными морфемами.

Выводы ко 2 главе

Завершая рассмотрение лингвостилистических особенностей, проявляющихся в жанре проповеди, мы приходим к выводу о том, что явление стилового смещения, наблюдаемое в жанре проповеди, является отражением динамики развития взаимоотношений церковно-религиозного стиля с другими функциональными стилями русского языка. Употребление лексических и фразеологических элементов, используемых преимущественно в переносном значении, способствует реализации функций воздействия и убеждения аудитории, приобщения паствы к христианскому миропониманию. Иноstileвая лексика (преимущественно лексика публицистического стиля) органично сочетается с собственным стилевым языковым фондом. Экспрессивно-оценочный потенциал использованных в проповеднических текстах лексем отражает одну из собственно стилевых черт церковно-религиозного дискурса – оценочность речи в соответствии с религиозно-нравственными установка-

ми – а также способствует выражению функции эмоционального воздействия и убеждения.

Рассмотренные нами особенности синтаксиса данного жанра также выражают экспрессивно-оценочную модальность. Наиболее употребительными выступают анафора, эпифора, синтаксический параллелизм, парцелляция, а также типы определённые типы предложений – неполные, восклицательные, вопросительные. Вводные слова, реализуя помимо оценочной характеристики функцию достоверности, несомненности сообщаемого, также выступают частотными синтаксическими средствами в проповеднической речевой деятельности. Данные синтаксические формы являются носителями экспрессивно-эмоциональной оценки побуждающего и воздействующего характера.

Диалогическая направленность проповеднических текстов выражена в таких приёмах, как специфическая форма адресованности от автора к аудитории «МЫ С ВАМИ», выражение оппозиционной смысловой позиции посредством неопределённого и личного разрядов местоимений 3 лица для номинации не относящихся к религиозной деятельности людей. Данные приёмы направлены на выражение адресации сообщаемого. Вопросно-ответные конструкции, вводные слова, модальные именные и глагольные конструкции и вставные компоненты способствуют реализации оценивания сообщаемого, направленного на формирование в сознании адресата логичного и завершённого образа жизненного порядка, соответствующего христианскому мировоззрению. Данные формы реализуют преимущественно функцию побуждения как умственных, так и чувственных процессов в сознании аудитории. Побудительный потенциал данных форм осуществляет коммуникативную цель церковно-религиозного дискурса – эмоционального воздействия на аудиторию, посредством которого происходит приобщение человека к христианским ценностям и реализуется связь с Богом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нами был проведён анализ актуальных лингвостилистических явлений, проявляющихся в жанре современной православной проповеди, основой для которого послужили лексический, синтаксический и коммуникативный аспекты.

В первой главе дано представление о церковно-религиозном стиле, его экстралингвистической базе и специфических стилевых чертах, подстилях и жанровой системе данной функциональной разновидности, основных языковых средствах, уникальности церковно-религиозного стиля и его роли в системе функциональных стилей современного русского языка. Также описан жанр проповеди, являющийся ведущим жанром данного дискурса, приведена история его развития и нравственные правила для авторов-проповедников.

Во второй главе были рассмотрены лингвостилистические явления, проявляющиеся в жанре современной православной проповеди. Особое внимание было уделено стилевому смешению как ведущему лингвостилевому явлению, указывающему на установление новых отношений функциональных стилей русского языка внутри его стилевой системы. Рассмотрению данного явления был посвящён 1 параграф.

Во 2 параграфе были рассмотрены синтаксические явления, организующие проповеднические тексты. Частотными в текстах проповедей являются такие фигуры, как анафора, эпифора, синтаксический параллелизм, парцелляция. Отмечается наличие вводных и вставных конструкций, а также неполных, эллиптических, восклицательных и вопросительных типов предложений.

В 3 параграфе были рассмотрены средства диалогизации, проявляющиеся в жанре проповеди как в монологическом типе публичного выступления. Была отмечена роль формы адресованности «МЫ С ВАМИ» как ведущей в данном жанре, что обусловлено специфическими особенностями религии как социального конструкта, создающего условия для объединения людей. Также

отмечено использование в качестве противоположной установленному религиозному мировоззрению смысловой позиции, выражаемой формами неопределённых местоимений и личных местоимений 3 лица, а также использование вводных и модальных именных и глагольных элементов, вопросно-ответных и вставных конструкций.

В ходе исследования нами были сделаны следующие выводы:

1. Иностилевые лексемы, используемые авторами проповедей, реализуют воздействующую и убеждающую функции посредством выражаемых ими переносных и эмоционально-оценочных значений. Наличие языковых средств других функциональных стилей содействует сохранению актуальности религиозной деятельности в обществе, а также свидетельствует о расширении границ влияния церковно-религиозного стиля.

2. Экспрессия, выражаемая рассмотренными нами синтаксическими средствами, способствует воплощению функций оценки сообщаемого, несомненности высказываемого, а также оказывает побудительное эмоциональное воздействие на адресата.

3. Использование рассмотренных нами форм адресованности и выражения сообщаемого с последующей оценкой направлено на побуждение аудитории к формированию соответствующих религиозным представлениям внутренних установок, определяющих жизнедеятельность адресатов. Побудительный и воздействующий потенциал данных средств соотносится с основными чертами церковно-религиозного стиля и способствует успешной реализации коммуникативных задач данного дискурса.

Область применения жанрового своеобразия церковно-религиозного стиля долгое время оставалась закрытой в связи с известными экстралингвистическими причинами. Церковно-религиозный стиль и его ведущий жанр – проповедь – только вступают в современную систему отношений русского языка. Использование средств других функциональных дискурсов не снижает возвышенность и архаичность церковной речи, но способствует успешному вступлению в новую стадию развития данного стиля.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агеева, Г.А. Религиозная проповедь как специфический вид языковой коммуникации (на материале современных немецкоязычных проповедей): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Иркутск, 1998.
2. Амфитеатров, Я. К. Чтения о церковной словесности, или Гомилетика/ – ч. 1-2 – Киев, 1846. – 405 с.
3. Бакина, М.А. Языковые процессы в современной публицистике. – Москва, 2000.
4. Барсов Н. И. История первобытной христианской проповеди: (до IV века). – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Barsov/istorija-pervobytnoj-hristianskoj-propovedi-do-4-v/. – (дата обращения: 12.09.2021). – Текст: электронный.
5. Барсов Н. И. Лекции по гомилетике, читанные студентам СПб Духовной Академии в 1885/6 учебном году экстраординарным профессором Н.И. Барсовым. – Санкт-Петербург: лит. С.Ф. Яздовского, ценз., 1886. - 339 с.
6. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета с параллельными местами и приложениями. – Москва, 2017. – 1296 с.
7. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – Москва, 2004. – 1456 с.
8. Бугаева И. В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2010. – 454 с.
9. Булгаков С. В. Образцы святоотеческой и русской проповеди с присоединением кратких биографических сведений о проповедниках, характеристик и примерных разборов их проповедей, планов и тем для проповедей, подробного указателя к проповедям и проч.: (Опыт гомилет. хрестоматии) / Сост. преп. Харьк. духов. семинарии С.В. Булгаков. – Харьков, 1887. – 494 с.

10. Бухаркин П.Е. Православная Церковь и русская литература в XVIII-XIX веках (Проблемы культурного диалога). – Санкт-Петербург, 1996.
11. Войтак М. Индивидуальная реализация жанрового образца проповеди // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 2002.
12. Гадомский А. К. Религиозный язык и стиль: попытка систематизации терминологии теолингвистики // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия Филология (58). – Москва, 2006. – с. 186–192.
13. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка: учебное пособие. – URL: <https://perviydoc.ru/>. – (дата обращения: 05.09.2021). – Текст: электронный.
14. Голуб И. В. Стилистика русского языка и культура речи: учебник для академического бакалавриата / И. Б. Голуб. — Москва, 2018. — 455 с.
15. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / Под ред. М.Н.Кожинной. – Санкт-Петербург, 2012. – 274 с.
16. Елеонская А. С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII в. – Москва, 1990. – с. 209.
17. Заведеев П. История русского проповедничества с XVII века до настоящего времени. – Тула, 1879.
18. Зубов В. П. Русские проповедники. Очерки по истории русской проповеди. – URL: <https://predanie.ru/book/220002-russkie-propovedniki-ocherki-po-istorii-russkoj-propovedi/>. – (дата обращения: 02.10.2021). – Текст: электронный.
19. Ицкович Т. В. Православная проповедь как текстотип: дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007. – 160 с.

20. Карасик В. И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: сб. науч. тр. – Волгоград, 1999. – с. 5-19.
21. Ковалев Н. С. Типы текстов проповеди в древнерусском литературном языке XI — XII вв. в аспекте эволюции. – Москва, 1997.
22. Кожина М.Н. О соотношении некоторых стилистических понятий и категорий с функционально-семантическими категориями // Структура лингвостилистики и ее основные категории: Сб.науч.тр. – Пермь, 1986.
23. Кожина М. Н., Дускаева Л.Р. Стилистика русского языка: учебник / под ред. М.Н. Кожинной. – Москва, 2011. – 464 с.
25. Кочедыков Л. К., Жильцова Л.В. Краткий словарь библейских фразеологизмов. – URL: <https://www.bible-center.ru/dict/phrases>. – (дата обращения: 23.06.2020). – Текст: электронный.
26. Крылова О. А. Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском литературном языке? // Культурно-речевая ситуация в современной России / – Екатеринбург, 2000.
27. Крысин Л. П. Об одной лакуне в системе функциональных стилей современного русского языка // Русский язык в школе. – Москва, 1994. – с. 69-79.
28. Крысин Л. П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура / Памяти Т.Г. Винокур. – Москва, 1996.
29. Кузьмина К. А. К вопросу о жанре проповеди. //Русский язык в современном образовательном пространстве: Материалы докладов и сообщений междунар. науч.-метод. конф. – Санкт-Петербург, 2003. – с. 133 - 138.
30. Культура русской речи: учебник для вузов / под ред. проф. Л. К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяева. – Москва, 2000. – с. 238 - 279.

31. Куссе, Х. Истина и проповедование. «Живое слово» архиепископа Амвросия (Ключарева, 1820-1901) и соотношение между гомилетикой и риторикой / Х. Куссе // Логический анализ языка. Истина и ценность в культуре и языке. – Москва, 1995. – с. 78 - 85.
32. Лескин Д. Ю. Пути русской богословской школы//Духовный собеседник. Журнал Самарской епархии Русской Православной Церкви. – Самара, 1996. – с. 68-78.
33. Майданова Л. М. Религиозно-просветительский текст: стилистика и прагматика // Русский язык в науке культуры. – Екатеринбург, 1999.
34. Макаров Д. И. Антропология и космология св. Григория Паламы (на примере гомилий). – Санкт-Петербург, 2003.
35. Малинович Ю.М. Экспрессия и смысл предложения: Проблемы эмоционально-экспрессивного синтаксиса. – Иркутск, 2003.
36. Мечковская Н. Б. Язык и религия: пособие для студентов гуманитарных вузов. – Москва, 1998. – 352 с.
37. Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. Свыше 4000 словарных статей / под ред. А.И. Молоткова. – Москва, 1968. — 543 с.
38. Настольная книга священнослужителя: в 8 т. Т.5. – Москва, 1986.
39. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / РАН; Российский фонд культуры. – Москва, 1994. – 928 с.
40. Прохватилова О. А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. – URL: <https://portal-slovo.ru/philology/37453.php>. – (дата обращения: 12.09.2021). – Текст: электронный.
41. Прохватилова О. А. Традиции русской речевой культуры и современная духовная речь // Записки Горного института. Риторика в системе коммуникативных дисциплин. – Санкт-Петербург, 2005. – с. 61-63.

42. Риторика Патриарха. К 70-летию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла / сост. А. В. Щипков. – Москва. 2016. – 256 с.
43. Розанова Н. Н. Коммуникативно-жанровые особенности храмовой проповеди // Бодуэн-де Куртенэ: Ученый. Учитель. Личность. – Красноярск, 2000. – с. 25-41.
44. Рыжкова Л. В. Словарь редких слов и архаизмов русского языка/ – Москва, 2019. – 632 с.
45. Салахова А. Б. Современная православная проповедь как креолизованный речевой жанр // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2008. – с. 153 - 155.
46. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной – Москва, 2011. – 696 с.
47. Творения: в 2 т. / свт. Василий Великий, архиеп. Кесарии Каппадокийской. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/nravstvennye_pravila/. – (дата обращения: 15.10.2021). – Текст: электронный.
48. Тиссен Г. К. Лекции по систематическому богословию. – Санкт-Петербург, 1994. – 442 с.
49. Толмачёв И. В. Православное собеседовательное богословие, или Практическая гомилетика/ Соч. прот. Иоанна Толмачёва. Т 1-4. Недели по пятидесятнице. – Санкт-Петербург, 1868-1877. – 1020 с.
50. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка/ под ред. Д.Н. Ушакова. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/>. – (дата обращения: 05.11.2021). – Текст: электронный.
51. Феодосий епископ Полоцкий Глубокский. Гомилетика. Теория церковной проповеди. – Сергиев Посад, 1999. – 385 с.

52. Шерстяных И. В. Стили и жанры русской речи: учебное пособие/. – Иркутск, 2013. – с. 20-22.

53. Шмелев А. Д. Функциональная стилистика и моральные концепты // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. – Москва, 1999. – с. 51-54.

ПРИЛОЖЕНИЯ

